

АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВ

без работы

Александр Александров

Без работы

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2014

Александров А.

Без работы / А. Александров — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2014

Оставшийся без работы молодой человек покидает родной городок – «царство отчаянья». В поисках самореализации и скромного счастья, полный надежды Герой уезжает в столицу. Но, шагая к условленной цели, он движется к страшной, уродливой бездне, которую нужно встретить без страха и без смятения, если желаешь достигнуть успеха в безразличной к личным трагедиям столице – Москве. Эта книга о нравственном выборе и человеческих ценностях, где катастрофы, победы, скитания, битвы характеров, поиски справедливости встроены в яркий, захватывающий и динамичный сюжет. На фоне суровой реальности, переплетенной с мистикой и небанальной фантазией, автор смело решается осветить суть происходящего в огромной, великой, но истерзанной внутренними противоречиями и социальными потрясениями стране. Книга написана языком ярким, напористым, с подчеркнутым символизмом. Во главе повествования стоит лишенный каких-либо удивительных свойств человек современности, который, в пику Гоголевскому «маленькому человеку», не останавливается перед преградами, борется за свое место под солнцем. В стремительных поворотах сюжета раскрывается приобретаемое отношение к злу и добру, хорошему и отвратительному. У каждого персонажа существует своя вера и правда. Практически в каждом диалогическом эпизоде романа обнажается острый моральный конфликт. Так, на слова Героя, что людям свойственно сеять добро, откровенничает старый мошенник: «Я своей жизнью могу доказать: за добро теперь, как за глупость, наказывать можно. Это и есть моя вера». Роман «Без работы» удерживает и не отпускает. От действия к действию, он пробуждает эмоции, приближает к катарсису. Пройдя сквозь тяжелые испытания, добравшись до самого главного социального нерва, Герой добивается выбранной цели. Может быть это лишь слухи? Финал, ни на что не похожей истории, заставляет задуматься и остается открыт.

© Александров А., 2014

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2014

Содержание

Часть 1	6
Глава I	6
Глава II	18
Глава III	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Александров

Без работы

*Добро и зло не берутся из ниоткуда;
их творим мы – люди*

Часть 1

Глава I

Кризис, побег из провинции, первые встречи в Москве

Когда вернувшийся от руководства начальник отдела маркетинга сообщил Паше Крюкову, что тот должен сейчас же писать заявление об увольнении, молодой менеджер было смутился, разволновался, хотел если не взбунтоваться, то возразить (никакого желания покидать рабочее место у него не было). Однако, глядя на коллег, что безропотно чертили на белых листах: «Прошу уволить меня по собственному желанию....» – вздохнул, склонил рыжеволосую, напоминающую поставленную вертикально дыню «торпеда» голову над канцелярским столом и тоже заскрипел ручкой.

Плохие продажи, кризис, долги – это причины. Следствие – приговор, вынесенный учредителем специалистам, которые, по его мнению, оттягивали столь необходимые средства.

«Менеджеры отдела не окупают свой хлеб». Хм... С этим можно поспорить. Но взяла верх разумная мысль о предстоящем расчете, Павел решил смириться и не возражая выполнить распоряжение. Сумма в конверте перекрывала официальный оклад, положенный при сокращении. Официальная часть составляла мизер, хватало лишь на проезд и обеды в местной столовой, тогда как конверт обеспечивал прочие нужды. Общий доходец даже позволил отдохнуть три недели на побережье в Турции. Разве мог Павел представить, что по возвращении из отпуска, когда душа еще дышит соленым прибоем и ночью во сне еще грезится шум набегающих волн, когда вот он, еще не облез, средиземноморский загар, и столько накоплено сил для работы, столько обдумано планов на будущее... Разве мог он помыслить, что его (ведь он так усердно работал, старался, даже добился заметных успехов) попросят освободить место?

– У фирмы большие проблемы – долги, – приватно шепнул ему теперь уже бывший начальник.

Павел с пониманием кивнул головой, справившись на всякий случай: что делать дальше?

– Не знаю, – ответил бывший начальник, – у нас маленький городок. Можно, конечно, здесь попытаться устроиться. Или поехать в Москву. Там с ентим вопросом значительно проще.

Дела отбрасывались, словно балласт, мешающий очень поспешному бегству. Сотрудникам объявили: к утру арендуемое помещение отдела маркетинга должно быть свободно. Пребывая в глубокой задумчивости, Павел собирал свои вещи. Он складывал в крепкую сумку из полиэтилена тетрадь с кое-какими контактами (некоторыми наработками за полтора года службы), пачку чая и сахара, чашку с изображением Валаамского монастыря, часы-сувенир, раскладной календарь, биджик с названием фирмы и его именем, который еще так недавно весело и представительно переливался глянцем на региональной выставке.

Коллеги Павла так же, как он, сосредоточенно паковали вещи. Никто не переговаривался; все и так было ясно. Только Женя Сафонов продемонстрировал Леше Попову сигаретную пачку, и они, прервав шуршанье бумагами, отправились подымить.

В конце рабочего дня начальник отдела маркетинга пожелал бывшим своим подчиненным удачи и заверил, что расчет будет честным, в бухгалтерии, через четыре недели.

Павел в последний раз оглядел уже ставший родным и привычным скупой интерьер кабинета, вздохнул и, держа в руке сумку с вещами, вместе со всеми двинулся к выходу. У здания офиса он задержался и, прощаясь с освещенными окнами, поежился от промозглого ветра, робко ступил в темноту. Он не был готов к такому повороту событий. Он только и слышал: «У нас все растет, развивается, поднимается на новый, значительный уровень...»

А получается, все росло, чтобы так неожиданно рухнуть!

Павел Крючков проживал на окраине города в квартире в ветхой хрущовке. Две комнаты с кухней и совмещенным, пахнувшим плесенью санузлом он делил со своей мамой-пенсионеркой. Его страдающая от ревматизма престарелая мама работала на полставки уборщицей на железнодорожном вокзале. Павел мечтал, что когда-нибудь скажет ей: «Хватит горбатиться! Ты заслужила спокойную старость». Только пенсии матери не хватало даже на коммуналку. А заработка Павла не хватало на двоих. К тому же Павел тайно мечтал о женитьбе. Дело это затратное, и, по справедливым представлениям юного менеджера, семейную жизнь негоже устраивать без лишней копейки в кармане. Павел Крючков не был циником, но, глядя вокруг, пришел к выводу, что в этом мире деньги решают практически все. А их-то хронически не хватало.

Как-то, выслушав его рассуждения, сосед Валера Манилов заметил: «Ты, Паша, так всю свою жизнь копить будешь, а потом уложат тебя в лакированный гроб, только идти за ним некому будет. Тьфу ты! Прости меня, не обижайся. Впрочем, как хочешь».

Ночью Павлу привиделся черный резной лакированный гроб. Невесты у него не было. И на следующий день он, еле дождавшись конца рабочего дня, побежал в турагентство и потратил свои сбережения на Турцию.

– Меня уволили. Я безработный, – без всяких прелюдий брякнул с порога Крючков.

Мать ахнула и отступила. Павел бросил сумку у входной двери и принялся раздеваться.

– Что же нам делать, сынок? Как же теперь, а? – опустив руки, запричитала пожилая женщина.

– Буду работу другую искать, – мрачно проговорил Павел.

– Так нет же ее – работы. Везде увольняют. Кругом кризис. Кризис! Будь он неладен.

– Найду что-нибудь. Не здесь, так поеду в Москву.

– В Москве ждут тебя, что ли? Ты погоди. Я у себя на работе спрошу. Может, у нас чего-нибудь подберется.

– У вас? Человеку с высшим экономическим? Сомневаюсь, – проворчал Павел, проходя в комнату.

Плохие прогнозы касательно трудоустройства в родном городке замаячили, как семафоры. Павел отправил свое резюме на предприятия, располагавшиеся в трехчасовой досягаемости, но отовсюду писали ответы: «В новых сотрудниках необходимости нет».

– Ек макарек... Чувствую, надо ехать туда самому разговаривать, – Павел не верил ответам секретарей, которые могли запросто не доводить его сообщения до своего руководства. Наш герой возжелал личных встреч с потенциальными работодателями. Пасмурным утром Павел надел единственный в своем гардеробе деловой костюм, нацепил не по холодной осенней погоде элегантный тоненький плащ, сунул ноги в новенькие, еще не разношенные полуботинки, прикрыл голову кепкой. В огромном портфеле он прихватил с собой аккуратно уложенные: распечатанное резюме, институтский диплом, блокнот с адресами, карандаши, ручки, паспорт; вышел из дому и направился к остановке автобусов.

В первом же месте Крюčkова ждала неудача. Для начала охранник на проходной предприятия полимерных изделий докучливо прицепился с расспросами: кто он такой и что ему

надо? Павел не хотел объясняться с приставучим охранником и требовал связи с начальством отдела маркетинга либо отдела продаж.

– Да нету таких тут начальников. А вон, идет главный инженер. Он теперь здесь за все отвечает. У него и узнайте, – буркнул охранник, заметив через оконце сторожки субъекта, шагающего в сторону административного корпуса.

Павел кинулся за главным инженером. Когда тот исчез за дверью кирпичного здания, Павел остался в полном одиночестве.

Главного инженера он настиг в вестибюле. Уже стоя на лестнице, этот небритый мужчина застыл, обернулся, близоруко прищурил глаза и, нервно задержавшись, взвизгнул:

– Я сейчас не могу ничего обсуждать! В бухгалтерии никого нет! Директора нет!

Приходите через неделю!

– Но я только хотел узнать... – опешив, пробормотал Павел.

– А вы кто? Вы не коллектор? – сбавив тон и сильнее прищурившись, спросил главный инженер.

– Нет. Я сюда по поводу трудоустройства пришел.

– И кто вас сюда пригласил?

– Никто. Я сам пришел.

– Завод не работает. Так что вы не по адресу, – с раздражением проговорил инженер и заспешил восвояси.

Подметки новеньких полуботинок Крюкова вновь замелькали мимо ангара, рядом с которым уныло стояли холодные грузовики. Прижимая портфель к животу, Павел плелся на проходную. Порывы осеннего ветра гудели в поддонах, сваленных грудой на пандусе, и волокли от закрытых ворот по асфальту пустую коробку.

План поиска работы с оббиванием порогов закончился полным провалом. Обойдя с десяток организаций, Павел сдался. К концу недели он был вымотан, обессилен, простужен и близок к отчаянию. Так он оказался перед начальником железнодорожной станции, и тот, деловито пошевеливая пышными усами, сообщил, что в ремзону его взять не может, но, ввиду недостатка технических средств, привлечет в качестве грузчика: разгрузить товарный вагон стоит триста рублей. Пять мужиков управятся с этой работой за три часа.

– И ты хоть завтра можешь присоединиться к бригаде.

– Пятидесятитонный вагон и триста рублей на пятерых заработку. – Павлу вдруг захотелось треснуть по голове похожего на твердого майского жука начальника станции. Но он проговорил только:

– Разгружай сам свои вагоны, мудрило.

Матери, которая в это время мыла полы, Павел сообщил, что начальник станции – жлоб и гад.

Добравшись до дома, Крюков налетел на заметно надрызгавшегося алкоголем соседа Валеру Манилова и неожиданно для себя заявил о желании присоединиться к веселью. Через десять минут они очутились на рынке и по настоянию Валеры купили водку у «проверенных азербайджанцев». «Золото славян» – так называлась водка.

– Никогда она меня еще не подводила, – ответил на этот раз немногословный Валера, когда Павел выразил подозрение, что это какая-то ядовитая дрянь. – Пить можно, убирает в хлам, – уточнил Валера.

Аргументов для возражения не было. И «Золото славян» перекочевала во внутренний карман куртки Манилова.

Распивать водку соседи решили в тепле – на лестничной клетке подъезда. После первой же стопки у Павла замутилось сознание, но его собутыльник заметил, что так оно и бывает. «Но, когда хлопнешь вторую, а затем третью, – объяснял он, – тогда отпускает. Выводит на другой уровень ощущения и миропонятия».

Павел послушно следом за первой выпил вторую и третью. Что было дальше, он смутно помнил.

Вонючий дым сигарет.

Холод от сквозняка.

Звон в ушах и пошатывание.

Подкашивающиеся ноги. Хватание за перила и шею Манилова.

Выкрики: «Падлы! Стервы! Убью... хрррр...!»

Звон бьющегося стекла. Грохот падения.

Целование холодного кафеля.

Чернота.

Тошнота, рычание, дикая судорога по всему телу, кислый запах блевоты.

Вновь чернота.

Очнулся Павел у себя дома. Он, как был в одежде, лежал на диване. Было темно, только оранжевый свет фонаря лился в окно сквозь раскрытую штору.

На счастье, мать ушла в ночное дежурство, и в квартире никого не было. Павел прошел в ванную комнату, где долго разглядывал свое конопатое с позеленевшей кожей лицо. Станные, противоречивые чувства метались в душе. Во-первых, он радовался, что не умер от отравления водкой. Какая-то тихая эйфория переполняла его, как солдата, который прошел невредимый жестокую битву. Вместе с тем он чувствовал стыд. Вдруг ему стало страшно. Представился завтрашний день – бесперспективный, бессмысленный. Ему мерещился осуждающий взгляд уставшей, тяжело работавшей матери. И сразу же неожиданно волновала внезапная радость, что мать на работе и безобразной картины позорного пьянства не видела. И еще какие-то светлые мысли насчет силы народного духа и любви к родимой сторонке непонятно откуда волнующе вспыхивали в голове.

С трудом оторвавшись от зеркала, где цветными осколками открывался ему полный мазохистских восторженных откровений безжалостный мир, Павел налил воду в ведро, взял тряпку и отправился убирать на лестнице.

Последующие три недели Павел Крючков провел в состоянии анабиоза. Все, что он делал, происходило без участия воли – автоматически. Каждый день он просыпался в восемь утра, два часа лежал, безрезультатно пытаясь заснуть, часам к десяти поднимался, шел в ванную, принимал душ, съедал бутерброд, пил чай, садился в кресло, включал телевизор и смотрел новости. С телеэкрана лился поток информации:

«Дефляция, токсичные акции, волатильность рубля, уровень капитализации, изменение цен паев ПИФов, фондовые индексы РТС и ММВБ, «быки» встретили день... меры по стабилизации, обрушение рынка, помощь правительства для АвтоВАЗа, процедуры банкротства, повышение ставок кредитования, низкие цены на нефть» и т. д.

Президент и премьер раскатывали по всему миру, решали проблемы глобального кризиса, распекали зарвавшихся олигархов, открывали поликлиники и детсады. Депутаты с лоснящимися, самодовольными лицами успокаивали, что последствия кризиса будут преодолены. Павел целыми днями сидел перед телеэкраном, ничего не понимал и никому не верил. Он хоть и пытался, не мог уразуметь, как все то, что работало, строилось и приносило хорошую прибыль, теперь обесценилось, остановилось и ушло за долги. Дело пахло мегаразводкой, целью которой служило обнуление активов с последующей скупкой за гроши: заводов, домов, пароходов, рабочих-специалистов, возможно и его самого тоже. Работать за кусок хлеба Крючков не хотел. Меж тем новости прерывала реклама счастливой, насыщенной, полной любви, достатка и уважения к человеческой личности жизни.

Каждый вечер Павел встречал с работы больную, изможденную мать. Отправлялся на кухню, разогревал ужин.

– Как у тебя дела? – спрашивала мать.

– Нормально, – избегая глядеть ей в глаза, отвечал Павел.

Мать обычно вздыхала, жаловалась на давление и прострелы в спине. Ее вздохи ранили Павла сильнее упреков и заставляли чувствовать себя еще горше. Тогда он спешил в свою комнату, закрывался, падал ничком на диван, где долго и неподвижно лежал. Или же, ничего не сказав, одевался и уходил шляться по безлюдному городу.

Один раз, когда на душе было особенно тошно, Павел брел меж панельных короб-домов под черным, покрытым холодными звездами небом. Он достиг темного парка, где любил гулять когда-то в счастливом и очень далеком, словно приснившемся, детстве. Месяц зверским серпом высунулся из-за тучи. Что-то невыразимое вдруг навалилось на плечи, сдавило невидимыми клещами горло. Павел стал задыхаться, остановился, огляделся вокруг, заметил скамейку, с трудом доволочил до нее ослабевшие ноги и, упав на сиденье, запрокинул голову вверх. Месяц, звезды, макушки деревьев задрожали, расплылись, поползли в сторону. По щекам, обжигая, неудержимым потоком хлынули слезы. Ощущая горечь во рту, Павел заговорил сам с собой: «Вот так вот... Остаться здесь и замерзнуть к утру. Не жалко. Они там все хорошие, да! А я никому ненужный долбак! И на хрен мне все это нужно?!» Ответ на вопрос не последовал, и Павел долго сидел, обливаясь слезами, крепко сжав кулаки.

Он сидел неподвижно, пока пробирающий холодом ветер не заставил его подняться и бежать прочь. С чувством непонятно откуда явившейся внутренней твердости Крючков вышел из парка и заспешил в сторону дома.

Деньги были необходимы как воздух. В положенный день Павел Крючков получил свой конверт. Пересчитав наличность, он в недоумении уставился на бухгалтера Веру.

– Это что, все?

– Да, все, – невозмутимо ответила Вера.

– Почему так мало?

– А ты посчитай, сколько у тебя было рабочих дней в прошлом месяце. Ты же отпуск гулял?

– Да.

– Ну вот... – объяснила Вера.

– У нас же отпуск оплачивается, – повысил тон Крючков.

– Так ты получил все на карточку.

– Получил. А конвертная часть?! – закричал Павел.

– Чего ты орешь на меня?! – раскрасневшись, взвизгнула Вера. – Не надо здесь, Паша, орать.

– Хорошо, – на этот раз тихо, надтреснутым голосом произнес Павел и, на ходу запихивая свой конверт в карман куртки, вышел.

Он решительной поступью направился в кабинет учредителя.

Миновав пустующий стол уволенной секретарши, Павел без стука ввалился в кабинет, куда обычно все заходили чуть не на цыпочках. Генеральный директор, он же учредитель компании, восседал за широким дубовым столом. Он угрюмо уставился на визитера:

– Чего тебе?

– Мне кажется, вы меня обокрали, – дрожащим голосом заявил Павел.

– Что?! – рявкнул учредитель, приподнимая из кресла свое массивное тело. На лакированной плечи его большой головы забликовали отсветы висящей под потолком электрической лампы:

– Повтори-ка, я не расслышал?

– Я только что получил конверт в бухгалтерии. Там были деньги. Но сумма в три раза меньше, чем я должен был получить.

– Ах, конверт! – гаркнул учредитель, подаваясь вперед, упершись руками в столешницу. Вид его был ужасен.

Однако на этот раз Павел не дрогнул.

– Вера сказала, что из расчета вычли деньги за отпуск. Считаю это несправедливым, – твердо проговорил он.

– Конверт – это вообще не твоего ума дело. Конверт – это, считайте, моя добровольная помощь. И мне решать, получите его вы вообще или нет, – на сей раз спокойней проговорил учредитель.

В дверь постучали. В кабинет вошел бывший начальник Крючкова. Он окинул пристальным взглядом Павла, буркнул:

– Привет.

– Я, кажется, все объяснил. Ну так идите, идите отсюда. У меня нет больше времени, – пыхтя от сдержанного негодования, продолжил речь учредитель, обращаясь к Крючкову.

– Когда я устраивался на работу, мы о другом договаривались. Чего смотришь на меня, Максим? Где твое честное слово? – напал на бывшего начальника Павел. – Я не уйду, пока со мной по-человечески не рассчитаются.

– А с тобой разве не расплатились? – озабоченно поинтересовался Максим. – Ты же получил конверт.

– Там не те деньги. Мне не доплатили.

– Павел, у нас отпуск не оплачивается. Иди домой по добру по здорову.

– Не пойду. Я и так слушал ваши идиотские советы. Просто вам наплевать на меня и на все, о чем мы договаривались.

– Пошел отсюда вон! – разрываясь от злости, закричал учредитель.

– Павел, уйди по-хорошему, а то знаешь... – уговаривал бывший начальник.

– Вы мне угрожаете? – интересовался Павел, не трогаясь с места.

Уговоры, угрозы, истеричные возгласы, обвинения и возражения продолжались еще минут десять.

– Хорошо, – наконец изрек учредитель. – Крючков, иди в бухгалтерию. Я сейчас распоряжусь; тебе сделают перерасчет.

Павел, чуть не на крыльях, выпорхнул из кабинета.

Учредитель уставился на Максима. Тот мрачнее тучи стоял перед ним.

– Кого ты на работу берешь? Приходит ко мне какой-то наглый поц... Какой-то гондон!

– Да он вроде нормальный был.

– Тогда почему я должен..?! – в бешенстве подскочил учредитель.

– Ввв-вы не д... оолжны, – заикаясь, еле выговорил бывший начальник отдела маркетинга.

– Так, не удивляйся, что бонус этого говнюка вычтут из твоего оклада, – вытирая испарину с гладкой макушки, зло прорычал учредитель.

На другой день пошел снег и засыпал белым серые улицы.

Терять было нечего. Павел Крючков решил ехать в Москву. Он уже получил несколько откликов на свое резюме. Их прислали из московских агентств по трудоустройству. К тому же на сайте сian один из риэлторов поместил объявление о сдаче квартиры по удивительно низкой цене. Павел тут же связался с ним и заявил о намерении арендовать это жилище.

– Вы славянин?

– Да.

– Отлично. Это важно. Там хозяйка – одинокая женщина. Она уезжает работать в Германию. Но у нее трубы плохие в квартире. Иногда текут. Боится оставить их без присмотра. Главное, чтобы вы ей понравились. Метро «Алексеевская». Оплата – 5000 рублей в месяц.

– Я буду завтра у вас. Придержите? Не уйдет?

– Если вы обещаете завтра приехать к нам в офис, тогда не уйдет. Не волнуйтесь.

Павел заверил:

– Я обязательно буду.

Повесив трубку, Крючков был на седьмом небе от счастья. Билеты на поезд лежали в кармане. Необходимое было собрано и упаковано – две огромные сумки дожидались в прихожей. Из целлофана, висящего на дверной ручке, доносился запах жареной курицы. Скоро, скоро он разорвет проклятый круг, вырвется из удушливой безнадёги – уедет отсюда!

Уже на перроне мать вынула из складок пальто какой-то прямоугольный предмет. Она всю жизнь была атеисткой, и Павел, не без удивления, принял из ее рук небольшую иконку.

– Сыночек мой, сохрани тебя Бог, – прошептала старая женщина, пустила слезу, перекрестила, обняла и расцеловала Павла.

Путь до Москвы занял чуть больше суток. Все это время Павел лежал на верхней полке и слушал, как его соседи внизу разговаривают.

– А моя дочка за границу хочет уехать, – говорила немолодая полная женщина в теплом шерстяном свитере.

– О как! Далеко? – спрашивал сочный мужской бас.

– В Канаду. Она ландшафтный дизайнер.

– Что ж. Молодым везде дорога, – отвечал невидимый собеседник.

– Не знаю. У нас как говорили: где родился, там и пригодился. Канада – это ж край света!

Правда, если она так решила, разве ее удержишь.

Павел оживился, слегка свесившись с полки, заметил:

– А если работы нет, а там предлагают, что делать?

Мужчина, который был приблизительно одного возраста с женщиной, посмотрел на Павла и одобрительно закивал:

– Вот, молодой человек правильно рассуждает. Молодежь едет туда, где работа. Я в свое время и на Крайнем Севере и на Востоке успел поработать. И сын мой сейчас в Москве трудится. Думаю, позовут, и в Канаду поедет. А так... У нас на весь город один действующий завод. Зарплата четыре тысячи рублей с премиальными. Это что?!

Молодежь бежит, да и правильно делает. – Мужчина решительно крикнул, проворно схватил со столика бутылку крепкого пива, звонко откупорил ее, наполнив пространство запахом спирта и жженого солода.

– А вы к сыну, наверное, едете? – поинтересовалась женщина.

– К сыну.

– Скучает по дому?

– Может, немного. Он молодец, самостоятельный.

– Женат?

– Нет пока. Ему бы надо жениться.

Москва встретила низко ползущими тучами, мокрым снегом и порывистым ветром. На Комсомольской площади, или площади трех вокзалов, как ее еще называли, огромное множество незнакомых людей шагало в подчиненном строгой системе порядке. Люди двигались в направлении зданий вокзалов, другие, выйдя на площадь, перемещались к автостоянкам или ссыпались в метро. Многие были нагружены сумками или катили тележки. Лица людей были сосредоточены, даже мрачны. Все торопились покинуть неуютную площадь. Из этой массы выделялись бродяги, парковщики, милиционеры, таксисты и непонятно зачем мечущиеся туда-сюда цыганские дети. Эти сеньоры и сеньориты никуда не спешили. Кое-кто из них незаметно следил за Крючковым, который, держа две объемные сумки в руках, застыл на ступеньках. Он давно не был в Москве; все, что сейчас окружало, его завораживало: «Такой, стало быть, город надежды – Москва!» Однако времени на фантазии и переживания не было.

Риэлторская контора находилась на «Новослободской». Спустя полчаса Павел топтался перед металлической дверью полуподвального помещения, где красовалась табличка «Агент-

ство недвижимости «Твой дом»». Надавив на пуговку звонка, Павел услышал щелчок, толкнул дверь и вошел внутрь.

В прихожей Крючкову повстречался охранник. Охранник, видимо, был не в себе – как еще объяснить безумное выражение глаз, которыми он изучал нечто невидимое на подушечках своих пальцев. Полностью погруженный в странный процесс, охранник даже не посмотрел на вошедшего Павла.

За прихожей находился предбанник с рядом обшарпанных дерматиновых кресел, далее, через дверь, следовало помещение, где стояло несколько канцелярских столов. На одном из них громоздился компьютер. Голые стены закрывали рекламные постеры и большой календарь. За столами в выжидательных позах сидели три женщины в возрасте, молчаливо тараща глаза на вошедшего Павла.

– Здравствуйте. Я к Лиде Васильевне, – произнес Павел.

Одна из женщин с большой бородавкой на подбородке встала, натянуто улыбнулась и вышла ему навстречу. Подведя и усадив Павла за свободный стол, обладательница бородавки расположилась напротив и начала беседу.

Ситуация требовала заключить договор. В условиях договора была прописана сумма услуги – пять тысяч рублей.

Приняв оплату, агентство должно было осуществлять поиск жилья для клиента в течение месяца.

– Но это же не договор об аренде, – засомневался Крючков.

– Договор об аренде вы подпишете вместе с хозяйкой на месте, – объяснила женщина.

Неприятная догадка заставила Павла отодвинуть договор в сторону.

– Я, получается, вам за услугу плачу, а там с меня еще попросят?

Лицо женщины приняло кислое выражение:

– Я же вам говорю, хозяйка попросила нас об услуге найти жильца, чтобы он следил за квартирой. У нее трубы текут, понимаете?

– То есть она безвозмездно квартиру сдает?

– Да, – неприятно, будто шмякнули влажной тряпкой об стол, вякнула женщина.

– И я сегодня же могу туда вселиться?

– Конечно.

– Может, я вначале поеду посмотрю.

– Только после оплаты. Это исключительный вариант, поэтому и деньги вперед берем. Знаете, как нас кидают?

Скрепя сердце, Павел выложил необходимую сумму, получив взамен подписанный договор, квитанц об оплате и телефонный номер агента, который со слов обладательницы бородавки уже ожидал его у хозяйки.

Ответив на телефонный звонок, агент, который так же оказался женщиной, сообщил Павлу, что встретит его у выхода станции метро «Алексеевская».

«Странная контора, – думал Крючков по дороге на встречу, – охранник так вообще псих. Не кинули бы».

Когда Павел, отягощенный сумками, вынырнул из подземки в назначенном месте, агент перезвонила ему. Извиняющимся тоном агент пролепетала, что хозяйка, к сожалению, «отошла» и будет часа через три.

– Как отошла?! Я уже здесь стою.

– Она уехала в церковь.

– А вы где? – тревожно поинтересовался Павел.

– Я тоже буду через три часа. Не могли бы вы тогда подъехать?

– Хорошо, договорились, – произнес со смирением Павел.

Ничего не поделаешь. Оставалось только потратить три часа с пользой.

Павла ждал очередной неприятный сюрприз. В блестящем офисе центра по трудоустройству, куда он явился вместе со всем багажом, отсутствовал интервьюер, который, собственно, пригласил его на собеседование. Нужный интервьюер стал жертвой внезапной простуды. Коллеги не имели доступа к базе данных больного, ничем помочь не могли.

Видя затруднительное положение приезжего человека, одна бойкая, очень приятной наружности девушка в клетчатой юбке вызвалась посмотреть что-нибудь у себя. Она дала Павлу заполнить анкету. Павел заполнил. Девушка приняла и тут же куда-то исчезла. Павел напрасно расспрашивал секретаря и других офисных служащих, куда эта девушка делась. В конце концов ему посоветовали прийти на следующий день, обещая, что завтра его интервьюер обязательно будет и проведет собеседование.

Подходил час встречи с агентом, и Павел, боясь опоздать, заспешил в известное место.

Вечерело. На улицах вспыхнули фонари. В домах засветились окна. Мокрый снег косо летел в электрическом свете, таял на одежде прохожих, на крышах замызганных грязью машин. Все двигалось, дышало паром, дымом и промозглым ноябрьским холодом. Город жил. Над землей, по земле, в подземелье стояли, сидели, шли или ехали люди. Тысячи тысяч людей! И каждый к чему-то стремился, чего-то желал и любил, был счастлив или в беде, ненавидел или боялся чего-то.

Павел трясся в набитом вагоне. Когда электропоезд остановился на станции, двери раскрылись; наш герой получил ощутимый тычок в спину, с трудом удержался на тощих ногах.

– Чего встал на проходе! – зло заорал краснощекий широкоплечий мужик.

Поток пассажиров устремился к выходу. Люди перескакивали через сумки, ругая Крюкова, жмущегося возле проема раскрытых дверей.

– Понаехали всякие... – отчетливо произнес кто-то. В сутолоке еле слышно запел телефон. Павел вынул его из кармана, посмотрел пропущенный вызов. Это был звонок от агента.

– Бог с ним, перезвоню, когда выберусь на поверхность. Здесь все равно ничего не слышно, – решил Павел. Так он и сделал.

– Здравствуйте еще раз. Это Павел. Я стою у входа в метро «Алексеевская». Вы где?

– Ах. Я вам звонила. Знаете, тут опять возникла накладка.

– Что такое?

– Хозяйка уехала к подруге. Я даже не знаю, когда вернется. Может, останется там до утра. Давайте завтра попробуем в первой половине дня. Часов в двенадцать, – звучал в телефоне непринужденный голос агента.

– Да как она могла уехать, если мы договаривались встретиться сейчас?! – не сдержавшись, в отчаянии закричал Павел.

– Молодой человек, не кричите. Если она так ведет себя, что мы с вами можем поделаться? Завтра, надеюсь, у нас все получится, – спокойным голосом отвечала агент.

– Вы понимаете, что я не могу ждать до завтра?! Вы понимаете, что мне ночевать негде?! Мне было обещано, что я сегодня же могу вселиться в квартиру. Звоните хозяйке. Сделаем дело, а там пусть хоть к черту на рога едет!

– Я только что ей звонила. Абонент недоступен. Поймите, раньше, чем завтра, все равно ничего не получится.

Павел прервал разговор, машинально пихнул телефон в карман куртки.

Какое-то время он, пребывая в растерянности, тупо таращился на стоящие рядом с ним сумки. Он все сильнее и отчетливее сознавал свое положение. На этот раз обошлось без истерики. Вновь непонятно откуда пришедшая твердость не позволила погрузиться в черную бездну отчаяния. Смятение отступило, и в его душе колыхнулась и засветилась надежда.

«Все так или иначе устроится, – сказал он себе. – Сесть на скамейку и замерзнуть я мог тогда в темном парке у себя в городе. Не надо было бы ехать в Москву. Но я здесь. И я понимал изначально, что мой приезд в этот город – авантюра. Я понимал это еще до покупки билета

на поезд. Сидя дома, все можно было подвергнуть сомнению: и дешевую вписку в квартиру, и моментальное трудоустройство. Зная, что шансы мои невелики, я не остановил себя. Я уехал в Москву, потому что не мог не уехать. И теперь никакие гадские силы не смогут вынудить к бегству обратно».

Между тем ситуация требовала действий. Наш герой снова достал телефон.

Ночь Павел провел в городе Химки у своего земляка и приятеля Васи Брусничникова. Вася великодушно предоставил Павлу ночлег.

По дороге с Павлом произошел казус. На Ленинградском вокзале к нему подступили стражи порядка и попросили показать паспорт. Крючков послушно протянул его. Один из милиционеров (видимо, старший) взял документ, ловко открыл на нужной странице и тотчас потребовал свидетельство о регистрации. Павел стал суетливо оправдываться, что не успел зарегистрироваться, так как только приехал. Он принялся лихорадочно рыться в карманах, пытаясь найти железнодорожный билет. Не найдя там, раскрыл и начал перерывать сумки. Милиционеры следили за его поисками, громко пыхтя и нетерпеливо притоптывая. К счастью, билет обнаружился.

– Пройдемте в отдел, – бросив невнимательный взгляд на бумажку, произнес старший.

– Зачем? – удивился Крючков.

– Проверим багаж.

От накопленных переживаний у Павла заколотило в ушах, потемнело в глазах. Мало соображая, он стал вытряхивать из сумок вещи.

– Да чего вам его проверять?! Хотите посмотреть? Вот, пожалуйста. Ну, глядите!

К ногам стражей порядка на грязный асфальт полетел кипятильник, умывальный набор, аккуратно сложенный плащ, книга «Зверобой» Фенимора Купера, пакет с нижним бельем, полиэтилен с вареными яйцами, плавленые сырки, джинсы.

Крючков вытряхивал вещи и приговаривал:

– Оружия нет, наркотиков нет, контрабандных попугаев из Африки нет. Что еще?!

Прохожие начали оборачиваться на происходящую сцену. Блюстителю правопорядка в легкой растерянности переглянулись. Тот, что отобрал паспорт, расправил плечи под толстым бушлатом и, ничего не объясняя, возвратил документ. В неприглядном, всклокоченном виде, с закипающей яростью в сердце Крючков был оставлен.

Когда горемыка добрался до порога квартиры Брусничниковых, было уже около десяти вечера. Вася обнял своего гостя и начал суетиться вокруг него; предлагал то немедленно принять душ, то сейчас же идти на кухню поужинать. Жена Васи Наталья вышла в прихожую, изжалив улыбку, холодно поздоровалась с Павлом и тут же нырнула обратно в гостиную.

– Поцапались. Она теперь не в настроении, раздражается по любому поводу, – приватно сообщил Вася Павлу. Павел кивнул.

– Сам-то как? – спросил он приятеля.

– Да так. Живем, – ушел от ответа Брусничников.

Часом позже Крючков сидел на табурете в обшарпанной кухне маленькой съемной квартиры Брусничниковых. В воздухе колыхался запах съеденной жареной курицы. Вася намазывал рыхлый кусок белого хлеба плавленным сыром, а наш герой, замерев, изучал надколотый носик фарфорового чайника, что стоял перед ним на столе. Вася душевно сочувствовал Павлу, но досадовал на его глупость. «Дурак, – думал он. – Кто же в Москве за пять тысяч в месяц целую квартиру сдает? Ясно – мошенники».

За чаем Брусничников попытался развлечь Крючкова беседой о студенческих временах, стал расспрашивать об общих знакомых. Павел отвечал нехотя, односложно и наконец обратился к Василию с просьбой воспользоваться Интернетом.

– Ну, если Натаха не спит, тогда можно, – проговорил Вася, встал и пошел в комнату посмотреть «как там жена».

Наталья Брусничникова – молодая, высокая, светловолосая девушка с пышными формами – со скучающим видом сидела на двуспальной кровати.

– Потерпи одну ночь, – негромко попросил Вася.

– Нам вдвоем развернуться тут негде, а еще этот здесь. После него вся ванная в мыльных лужах, – кривя лицо, проворчала Наталья.

Василий ничего не ответил. Он прикрыл за собой дверь и вскоре вернулся назад вместе с Павлом.

В полночь у Брусничниковых еще никто не спал. Василий расстилал матрас на полу. Наталья, полулежа на кровати, расчесывала свои волосы. Когда зубцы расчески цеплялись за спутанную прядь, она раздраженно шипела, морщилась и сверлила глазами сидящего за компьютерным столом Павла. А тот сосредоточенно глядел в монитор, изредка щелкая кнопками клавиатуры.

– Что решил? Домой поедешь? – поинтересовался Василий.

– Нет, – ответил Крючков.

– А чего собираешься делать?

– Поеду заберу свои деньги. Потом сниму койко-место где-нибудь в общежитии.

– Думаешь, удастся бабки вернуть? – засомневался Василий.

– Лучше бы им вернуть, если не хотят неприятностей, – уверенно произнес Павел.

– Смотри, поаккуратней с ними, – предупредил Василий.

– Все будет законно, без всякой фигни, – сказал Павел. – Можно я на какое-то время оставлю у вас свои сумки?

К утру мокрый снег прекратился, ударил бодрящий морозец. Звезды поблекли. На фоне сизого неба с расползшейся на востоке апельсиновой кромкой зари отчетливей заиграли фонтаны свинцового дыма промышленных труб. Вот и холодное солнце показало багряный язык, освещая дорогу прохожим, тоненькой вереницей бредущим в сторону станции, где, окончательно разорвав паутину глубокого сна, дымили кареты маршрутных такси, громыхали, оставившаяся у платформ, и, гудя, уносились вперед электрички.

Огромный город все нарастающим шумом приветствовал будничным днем, поднимая и отправляя в поход миллионы людей во имя наступавшего будущего.

Спозаранок Крючков оказался на Комсомольской. Он топтался у входа в интернет-кафе, которое было примечено им по приезде в город. Вывеска заведения объясняла, что время открытия пришло, однако дверь была заперта. Крючков зябнул на холодном ветру, пританцовывая своеобразную тарантеллу-соло, перепрыгивая с ноги на ногу, хлестко похлопывая ладонями по своим худым ляжкам. Вскоре рядом с ним нарисовался молодой человек, окинул ожидающего посетителя быстрым внимательным взглядом, громко, не прикрывая рта, кашлянул в сторону Павла, распустил туго обмотанный вокруг горла спартаковский шарф, достал ключ, ловким движением отпер дверь и заскочил внутрь. Павел нырнул вслед за ним. Навстречу пахло приятным теплом.

План действий был сформирован. Требовалось разыскать квартиросъемщиков – тех, кто хотел найти компаньона для совместной аренды жилья. На деньги, которые Крючков намеревался себе возратить, это было возможно. Вариант с подселением обходился примерно в семь – восемь тысяч рублей, если квартира располагалась где-нибудь в Подмоскowie.

Павел внимательно изучал сообщения на сайте «Живем. Ру», смотрел фотографии комнат и в результате решил сделать звонок некоему гражданину, проживавшему в городе Лобня. Негромкий бархатный голос мужчины пообещал, что приехать и осмотреть квартиру можно сегодня же. Павел ответил: «Добро», но позвонил еще в пару мест. Он мудро решил иметь запасные варианты, на случай если ему что-нибудь не понравится в Лобне.

Итак, Крючков получил подтверждение, что стал жертвой мошенников, наковыряв в Интернете множество сообщений обманутых квартиросъемщиков, пострадавших от бары-

шень из конторы «Твой дом». Теперь пришло время сделать звонок некой Лидии Васильевне. Именно так представлялась риэлтор с выдающейся бородавкой. Мифическому агенту, который якобы должен встретить его и познакомить с хозяйкой, понятное дело, звонить было без толку.

В телефоне раздался знакомый голос бородавчатой женщины:

– Алло. Я вас слушаю.

– Здравствуйте, Лида Васильевна, – загробным голосом произнес Павел. – Звонит обманутый вами клиент. Через час я буду у вас. Сделайте так, чтобы я без промедления получил назад свои деньги.

– А! Это вы насчет квартиры были у нас вчера. Так-так. Вас агент уже ждет. Она разве вам не звонила? – быстро затараторила женщина.

– Какой на хрен агент! – взорвался Павел. – За дурака меня держите?! Тоже мне, ваш агент! Я еду забирать свои деньги. И только попробуйте заерепениться... Знаете Губкина Льва Николаевича? Проверьте по своим связям. Если что не так, трясти вас станут по полной программе и прямо сегодня!

Павел выдержал паузу. Ему не ответили. По молчанию риэлтора было понятно, что его речь произвела впечатление. Некий загадочный Губкин, видно, сыграл свою роль. Кто такой Лев Николаевич Губкин и чем занимается, Павел не имел никакого понятия. «Задурю им мозги. Пусть мошенники сами догадываются», – думал он, улыбаясь.

Глава II

Великолепно разыгранный блеф, триумфальное шествие, новые испытания на прочность

В апартаментах агентства «Твой дом» кипела работа. Три остервенелых горгоны обрабатывали тоненькую, как веточка ивы, молодую девицу. Они вились вокруг жертвы, а та, дергая полы своего выдавшего виды пальто, тихим голосом, чуть не срываясь на плач, умоляла вернуть ее деньги. Девицу успокаивали, что работа по поиску квартиры активно ведется, урезонивали, тыкая в условия договора, и вот, уже переходя на крик, требовали прекратить разводить беспричинный скандал, обвиняя то в глупости, то в элементарной безграмотности. Особенно разорялась одна из трех псевдориэлторов – та, что в случае с Павлом играла роль ждущего у хозяйки агента. Тряся в декольте гипеподобными сисями, мошенница звонко пищала:

– Все! Хватит! Вы когда оплатили услугу? Идите и прочитайте ваш договор. Если не прекратите скандалить, позовем охранника и он вышвырнет вас отсюда!

Из покрасневших глаз девушки хлынули слезы. Она вскочила со стула и рыдая бросилась к выходу. Мошенницы удовлетворенно вздохнули, зашуршав непроницаемой броней-чешуей, готовясь к визитам других незадачливых квартиросъемщиков. У одной из них – той, что представлялась Лидией Васильевной, запел телефон. Она взяла трубку, ответила, проговорила привычный набор специально подобранных фраз, после чего замолчала и как-то потухла.

– Сейчас еще один за деньгами приедет, – проговорила она, обращаясь к своим компаньонкам.

– Ну и пусть себе едет, – пискнула Глубокое Декольте.

– Он не простой какой-то. Геннадича нужно позвать, посоветоваться, – ответила Лидия Васильевна и отворила дверь в прихожую.

Безумного молодого охранника не наблюдалось. Теперь на его месте сидел высокий и тощий мужчина в роговых очках, сквозь линзы которых очень внимательно наблюдал за происходящим в конторе. К слову, он был организатором этого бизнеса – ответственным человеком, предпочитающим, впрочем, всегда оставаться в тени.

– Степан Геннадьевич, можно вас? – дружно позвали дамы.

Мужик оторвался от монитора видеонаблюдения, поднялся и не торопясь вышел на зов. Дамы дружно заулыбались ему навстречу, словно говоря: «Не беспокойтесь, тут дело пустячное». Степан всем своим видом показывал, что нисколько не сомневается в этом. Выслушав Лидию Васильевну, которая пересказала свой разговор, упомянув также некоего Губкина, Степан флегматично пожал худыми плечами и посоветовал не отвлекаться на ерунду.

– Не обращайте внимания на угрозы. У нас таки все по закону, – добавил мошенник и пошел открывать дверь.

Кто-то на улице хотел попасть внутрь конторы. То была пара студентов, желавшая арендовать за пять тысяч рублей квартиру с текущими трубами на «Алексеевской».

Крючков подошел к спартаковскому болельщику, сидящему за столиком администратора интернет-забегаловки, протянул квитанцию об оплате услуг риэлторского агентства и попросил снять ксерокопию с бумажки. Парень, не поднимая глаз, по-обезьяньи перекинул руку через свою голову, принял листок и, совершив необходимые манипуляции, вернул квитанцию вместе с приготовленной копией обратно.

– Теперь я потрясу за жабры всю эту сволочь, – процедил сквозь зубы Крючков, аккуратно пряча бумаги в карман куртки. Расплатившись, он покинул теплое помещение, шагнул на морозную шумную площадь.

Согреваемый жаждой реванша, наш герой уже чувствовал струны, которыми пел этот город. Город-горнило, где закаляется черная сталь несгибаемой воли. Где нельзя упускать свою выгоду, нужно биться, идти до конца. Город, где люди взлетают или ползут по фантастической невидимой лестнице, ведущей к таким очевидным и ярко блистающим благам материального мира, срываются, падают, снова ползут или в бессилии катятся в черную бездну до самого дна – туда, где погибель, стенания и скрежет зубовой. И есть, наверное, где-нибудь Бог. Но ближе Тот самый, который глядит, умиляясь, на это боренье, крутит хвостом, поддает жару, и, тык своим остервенелым трезубцем, настойчиво шепчет: «Давай, не зевай. Давай, давай, давай, давай...»

И Павел давал. Его желваки сурово играли, кулаки, готовые к битве, сжимались, плечи и локти прорубали дорогу в потоке человеческих тел. Он спешил вырвать свое, не хотел уступать. Под грохот и вой он двигался к эскалатору, быстро шагая между изображений одухотворенных работой фигурок людей и рубиновых звезд, что светились в цветных витражах зала станции метро «Новослободская». Может, когда-то давно здесь по этому залу шагали счастливые и благородные люди. Когда-то давно – в другом мире, другой вселенной.

По условиям договора квартиросъемщик должен был оплатить услуги агентства не позднее трех дней с момента его подписания. Квитанция об оплате в кармане Крючкова была красноречиво датирована завтрашним днем. Здесь заключался один из подвохов. Дерзкие мошенники считали, что клиента можно дурить трое суток, а потом отказать в услуге как нарушителю договоренности. Эта крапленая карта доставалась мошенниками неожиданно и эффектно, когда возникала необходимость докучливую жертву добить. Однако Крючков раскусил механизмы неказистой разводки и принялся действовать.

Оказавшись в подвале агентства, Павел в сопровождении флегматичного Степана Геннадиевича зашел в кабинет.

– Чего вы тут делаете?! У вас деньги лишние?! – сходу набросился наш герой на пару молодоженов, не успевших еще подписать у бородавчатой Лидии Васильевны лежащий на столе договор. Девушка обеспокоенно схватила за руку своего мужа. Тот, помрачнев, уставился на Крючкова. Работницы агентства повскакивали со своих мест. А Павел в стиле разбушевавшегося Жириновского истерически заорал, чтобы мошенницы без промедления готовились к встрече убэповцев в бронежилетах, к следствию, нарам, клеткам в оконце, вонючей тюремной баланде, жучкам-подружкам и симашкам в ботвах.

Пытаясь утихомирить разошедшегося не на шутку Крючкова, мошенницы во главе со Степаном обступили его. Уверенность, с которой держался Крючков, подавила напор аферистов, которые обыкновенно не церемонились с обобранными клиентами. Теперь в их речах раздавались не угрозы и неприкрытое хамство, а нерешительные увещания сбавить тон и соблюдать приличия. Но Павел все более грозно, впадая в истерический транс, с чувством презрения и превосходства обличал аферистов и в обвинениях распалял себя еще больше.

– Я вам обещаю, и я вам устрою! – кричал он.

Оставшийся невозмутимым Степан резонно осведомился: что скандалист, собственно, хочет им предъявить?

– Деньги отдайте, – не удостоив ответом мошенника, на сей раз спокойно произнес Павел. Горя праведным гневом, вместе с тем ощущая такую редкую для себя собранность и уверенность, наш герой решил покуражиться. Ему терять было нечего.

– То есть а... – начал Степан.

– Вы перегрелись, что ли? Переутомились? – вякнула Декольте, которая все это время что-то пищала, только Павел не обращал на нее никакого внимания. А теперь посмотрел таким взглядом, что Декольте съежилась и отступила.

– Мошеннические действия. Множество пострадавших. Поддельная лицензия. Фиктивная бухгалтерия. Уход от налогов. Мне продолжать? – проговорил с недоброй улыбкой Крючков. Он неспешно достал ксерокопию платежной квитанции.

– Вами не местный участковый занимается, а серьезные люди. Уже... – Крючков ухмыльнулся.

Он продемонстрировал бумажку женщинам, те нерешительно посторонились, уступая место Степану. Тот внимательно оглядел документ, потрогал оправу очков и насупился. Между тем парень и девушка, которые все это время следили за происходящим, поднялись со стульев и, не проронив ни слова, покинули контору.

– Светлана, – устало сказал Степан, обращаясь к бородавчатой женщине, – отдай ему пять тысяч рублей. Пусть уходит.

– Ну, раз такой клиент, – хмыкнула Бородавка с видом оскорбленного человека: будто Павла кормили, поили и уложили спать на перине, а он, вместо того чтобы рассыпаться в благодарностях, нахамил сердобольным хозяевам и плюнул в утренний кофе. Виляя толстыми бедрами, она отправилась в маленькую подсобную комнату, откуда быстро вернулась с деньгами. Бородавка хотела протянуть их Крючкову. Степан остановил ее.

– А оригинал документика можно позволить? – пробормотал он со вздохом и пристально посмотрел на Павла.

Наш герой, не скрывая злорадной улыбки, ответил:

– А зачем вам?

– Послушайте, иуноша, – негромко заговорил Степан, – мы вам отдаем деньги, вы нам документ. Все...

Это «все» прозвучало как-то задумчиво, как-то вопрошающе. В тихом голосе, деланном равнодушии, вялости телодвижений и вместе с тем отведенном в сторону взгляде бегавших туда-сюда карих глаз читалось, что этот «кидок» за бумажку готов теперь выплатить в десять раз больше, чем она стоила.

– А если у меня ее нету? – спокойным, презрительным тоном произнес Павел. – Что, не дадите? – И, неожиданно для себя, добавил: – Тридцать тысяч.

Воцарилось молчание. Павел почувствовал, как по его позвоночнику пробежала холодная волна, а ладони вмиг стали влажными. Он почувствовал, что первый раз в жизни ступил на дорожку, на которую даже думать не мог ступить. Он осознал, что превращается из жертвы, которую могут только пожалеть и оставить в покое, в настоящего хищника, окруженного голодными, злыми гиенами, готовыми перегрызть ему горло, разорвать на куски, а он не бежит, требует свою долю.

– Иуноша, – еще сильнее побледнев, процедил Степан, впившись колкими злыми глазами в Крючкова, – вы, я вижу, вымогательством заниматься пришли сюда? Тут все свидетели.

Крючков на секунду заколебался. Еще было время обратить свое заявление в шутку. Он только подумал об этом. В следующий миг в его сознании всплыла скамейка в заброшенном парке, холодные, мрачные улицы... Наступил момент истины.

– Тридцать тысяч или я даю ход делу, – холодно проговорил он.

– А вы, собственно говоря, кто такой? – сказал на этот раз без тени волнения, даже как-то по-деловому, Степан.

У Павла в кармане зазвонил телефон. Он достал его, посмотрел на дисплей. На дисплее светился номер Брусничникова. Павел нажал зеленую кнопку, приложил трубку к уху и, перебивая товарища, заговорил:

– Вась, я сейчас у этих мошенников. Тугие они. Медленно соображают. Все тут. И главный тоже. Вы, давайте, не медлите. Приезжайте сейчас, чтобы не бегать за ними потом по всему городу.

Крючков опустил руку с телефоном, держа его наподобие пистолета. Он огляделся. Эффект, вызванный разговором, был потрясающий. Дамы заматались по кабинету, как переполошенные курицы. Встревожено переглядываясь, хватая и вновь возвращая на место предметы – свои телефоны и сумочки, они явно не представляли, что делать дальше, думая об одном – как побыстрее убежать.

– Чего вы хотите? – залепетал побледневший Степан. Маска спокойствия слетела с него, будто легкий пух с одуванчика под порывами сильного ветра.

– Тридцать тысяч, – ответил неумолимо Крючков, – это оплата за непотребный нудизм: мошеннические действия, фиктивная бухгалтерия... Короче, выбирайте – деньги на бочку или тюремные нары.

– Если вы представитель власти, покажите удостоверение, – дерзко вякнула Декольте.

– Сейчас приедут и все вам покажут, – сказал Крючков.

– Хорошо, хорошо, Света, дай ему тридцать тысяч и пусть уходит, – усердно массируя пальцами седые виски, пытаясь утихомирить скачущие в голове мысли, выдавил Степан Геннадьевич.

– Долларов?! – словно в насмешку крикнула та, что представлялась Лидией Васильевной.

– Долларов, – спокойно подтвердил Павел.

Декольте всплеснула руками и пошла красными пятнами. Казалось, она вот-вот плюхнет в обморок.

– У нас нет таких денег! – яростно закричала Бородавка Степану.

– Дай все, что есть, – просипел Степан. От невозмутимого равнодушия в нем не осталось следа. Было видно, как в нем закипает и поднимается ярость.

– Дать?! – гневно воскликнула Бородавка.

– Дай, – тихо, со злостью повторил приказание Степан.

Бородавка сорвалась с места и залетела в подсобку. Раздался грохот падающих предметов, звон бьющегося стекла (видимо, разбилась бутылка), скрип дверцы несгораемого ящика. Через минуту Бородавка, вся трясаясь, выскочила с пачкой купюр.

– Это все, – прошипела она.

– Давайте. Давайте, – проговорил Крючков. Он принял деньги из пляшущих рук Лидии Васильевны – Светы. Рядом Декольте в еле сдерживаемом приступе бешенства заламывала руки. Третья мошенница стояла, застыв как статуя, впав в кататонический ступор. А Степан Геннадьевич молча и зло наблюдал, как Павел небрежно запихивает деньги в карман своей куртки.

Воздух на улице был обжигающе свеж и прохладен. Высоко-высоко по бездонному синему небу ветер гнал рваные стрелы-облака; вслед за ними вдоль горизонта на запад медленно плыло холодное белое солнце. С крыш домов срывались вымпелы легкого серебристого снега, который, упав и смешавшись с крошкой асфальта, землей, копотью негоревшего топлива, наносным торфом и каплями масла, превращался в серую массу. А вокруг все кричало, кипело оттенками яростных красок: синело, желтело, алело, сияло, готовое разом поблекнуть, подчиняясь переменчивой погоде ноября.

Павел захлопнул за собой тяжелую дверь, вырвался из темного полуподвального помещения, вдохнул в себя морозную свежесть, сощурился от яркого света, встречая улицу расплывшейся принужденной улыбкой, оглянулся. Ничего тревожного вокруг не наблюдалось. Можно было идти, что Павел и сделал. Ему, понятно, хотелось быстрее покинуть этот район. Хотелось шагать и ни о чем не думать. Хотелось двигаться и наслаждаться чувством, которое согревало его от головы до самых кончиков пальцев, подталкивая и подзуживая делать все что угодно, только не стоять на месте. Вскоре последние вспышки тревоги исчезли, и он позволил себе осознать до конца: да – это победа!

Крючков испытывал невероятный душевный подъем. Он ощущал себя другим человеком. И это перерождение наполнило такой энергией, что представлялось, реальность можно крутить как угодно. Реальность стала податливой. Большие дома, шум и мелькание машин, лица прохожих – все то, что смущало и подавляло его с первого дня пребывания в гигантском враждебном мегаполисе, внезапно стало понятным, доступным. Крючков размышлял, как здорово будет продолжить удавшийся опыт и раскрутить на деньги других негодяев, обирающих таких хороших и простых людей, как он. Перспектива стать современным Робин Гудом вселяла в Крючкова надежду. «В Москве тысячи мошенников – околпачивай не хочу, в деньгах недостатка не будет. А часть отобранных у мошенников денег можно пустить на благотворительность, – мыслил он. – Например, помогать бездомным, кормить их гречневой кашей».

Мысли о благотворительности перебивали яркие впечатления иного порядка. С билбордин Крючкову приветливо улыбались картинки счастливой и самодостаточной роскоши. Павел следил за красивыми женщинами, изучал витрины дорогих магазинов, прикидывал стоимость пролетающих мимо шикарных машин.

Прошагав по Суцевской, Крючков повернул на Селезневскую, где перепрыгнул через скользкие трамвайные рельсы и продолжил идти в направлении Самотечной. Из-за деревьев высунулась угластая громада театра Советской Армии. Дорога вела под гору. И очень скоро Павел оказался на большой площади перед Суворовым, который, держа руку у шпаги, с высоты своего поста с недоумением глядел на остановившегося перед ним Павла. Из-за ограды салтыковской усадьбы на героя топорщил усы взъерошенный Фрунзе. А со спины его закрывал бастион гигантского здания, возвышавшегося на фундаменте грубых циклопических плит с растрескавшимися широкими лестницами, ведущих к его многочисленным входам. Грандиозный ампиризм и кумиры прославленных подвигов прошлых столетий не трогали Павла. Его мысли крутились совсем в других сферах.

Павел ощупал пачку купюр через материю куртки. Он не представлял себе, каким по размерам был сорванный куш. По его представлениям, сумма должна была быть очень серьезная. Следовало пересчитать наличность. Огромная, хоть и безлюдная, площадь не располагала к столь интимному действию. Заметив чуть в отдалении зажатый между дорогами парк, Крючков повернул в его сторону. Достигнув цели, он уселся на лавке, куда кто-то заботливо положил кусочек картона. Кроме бронзового изваяния солдата, прятанного за раскинутой плащ-палаткой бегущих детей, вокруг никого не было. Павел нахохлился, вытянул пачку купюр и, прищепывая, пересчитал зеленые и малиновые бумажки. Итог превзошел ожидания. Сто девяносто тысяч рублей! Таких денег у Павла еще никогда не было. Ощутив себя богачом, он подумал, что цифра сто девяносто без всяких сомнений – это знак. Когда-то давно, еще маленьким мальчиком, выступая за честь своей школы, он участвовал в забеге под номером сто девяносто. Он очень нервничал. В результате в своей возрастной категории прибежал первым и поднялся на тумбу почета под грохот торжественной музыки, шумные поздравления и аплодисменты.

С тех пор число сто девяносто занимало в сознании Крючкова особое место. Его душу еще согревали восторги от привалившей удачи, но эйфория пошла на спад. Прокралась мыслишка, что сумма хоть и немалая, но и недостаточно велика. Крючков с ироничной улыбкой подумал: «Жаль, что мой знаковый номер не триста или еще лучше пятьсот». Предварительно отделив три тысячи на текущие траты, наш герой спрятал пачку денег во внутренний карман, встал и продолжил свое путешествие по городу.

В районе Лубянки восторги, толкавшие Павла к празднованию по городу, окончательно стихли. Следовало разобраться, как действовать дальше. Средства на благоустройство имелись. Осмотр квартиры с последующим заселением ждал окончания рабочего дня. Оставался один неразрешенный вопрос, связанный с несостоявшимся трудоустройством.

Неожиданно зазвонил телефон. Павел вздрогнул, достал аппарат и посмотрел на дисплей, где светился какой-то загадочный номер. Ему стало не по себе. Он подумал, что коварные

мошенники опомнились, раскусили блеф и теперь пытаются найти его, куда-нибудь заманить и отобрать деньги. «Хотя как меня могут найти и куда-нибудь заманить?» – стараясь избавиться от накатившего параноидального приступа, сказал себе Павел. Вернув долю уверенности, он решительно прижал к уху пластиковую коробочку.

– Здравствуй... кхе-кхе, – зазвучал звонкий голос мужчины, неожиданно обрубил окончание слова приветствия, закричал и надсадно закашлялся.

– Здравствуйте, – осторожно произнес Крючков.

– Ой, извините, простите, сейчас... – сквозь кашель пытался объясниться молодой человек.

Крючков терпеливо ждал. Наконец тот смог отчетливо выговорить:

– Меня зовут Федор Михайлович Глыба. Кадровое агентство «Стар Стаф». Я по поводу работы. Хотел пригласить вас на интервью.

Крючков выдохнул и принялся внимательно слушать.

– Есть ли у вас возможность подъехать к четырем к нам? – молодой человек назвал уже знакомый Крючкову адрес.

– Да, могу, – с готовностью ответил Крючков.

– Ну, тогда ждем. И, пожалуйста, обязательно не забудьте взять с собой паспорт.

– Конечно, не забуду, – пообещал Крючков. И тут же вспомнил, что вчера на Ленинградском вокзале, собирая с асфальта раскиданные свои вещи, он какого-то черта сунул паспорт в пакетик, где лежали грязные носки. То есть паспорт остался в одной из сумок, оставленных на хранение в съемной квартире Брусничниковых.

Крючков заметил два сообщения, висевших на телефоне. Одно было от мамы, другое от Васи.

Мама спрашивала, как Павел устроился и все ли с ним хорошо. Вася интересовался, что приключилось в конторе мошенников и удалось ли вернуть свои деньги.

Крючков бросился звонить Васе. Умолчав про сорванный куш, наш герой обмолвился только, что финансовых затруднений теперь не испытывает; затем поинтересовался, когда может забрать свои вещи.

– Ну, я на работе, – ответил Вася. – Можно вечером. Ты вписку нашел?

– Нет пока, – сказал Павел. – Мне бы только паспорт забрать. Я его в сумке забыл. А он мне позарез сейчас нужен.

– Натаха сегодня во вторую смену выходит. Дома пока. До трех; если успеешь приехать, то заберешь, – сообщил Вася.

– Через полтора часа буду в Химках, – заверил Крючков.

– Ну, тогда я позвоню ей, чтобы никуда не уходила и дождалась тебя.

В грядущем апреле Наталья Брусничникова отметит свое двадцатисемилетие. Ей не снятся, как прежде, волшебные сны, где она гуляет в огромном сверкающем доме со стеклянной стеной, сквозь которую видно барашки на гребнях катящихся сине-зеленых волн океана. Она не верит, что когда-нибудь сможет войти в этот сказочный дом. Каждое утро она просыпается на продавленном жестком матрасе. Находит себя в окружении пшеничного цвета обоев неблагоустроенной съемной квартиры, с льняными подтеками на потолках. Она видит старый побитый диван. Ее ждет безрадостный день на обрыдлой работе. Никакого огня, никаких очаровательных встреч. Не о такой серой жизни мечтала она. Наталья смотрит на свою жизнь (в последнее время подобное происходит нередко) и с отчаянием ощущает, что лучшие годы уже позади, а будущее неприглядно, пугающе, неопределенно, туманно. Тогда ей хочется громко кричать, чтобы проснуться, осознать, что это не навсегда. Что это лишь кошмарное сновидение, а не реальность. В такие минуты муж пытается ее успокоить. Звучат пустые слова обещаний. Но Наталья не верит словам. Она кричит, что так жить нельзя. А он только глупо моргает и разводит руками. В конце концов она надевает розовый пуховик, забирает семейные сбере-

жения, уходит из дома и возвращается с Ней. Невозможно откладывать каждый день счастье на завтра. Когда оно необходимо прямо сейчас! А деньги нужно не экономить, а уметь зарабатывать! Вот только муж не понимает ее. Он твердит, что она хочет жить не по средствам. И совершила (именно так и сказал!) подлый поступок.

– Нет. Это ты ведешь себя, как трусливый, посредственный лузер. Ты неудачник! – отвечает она. Василий молчит. Правда, лучше бы ему согласиться и молчать. Молчать.

Хм... Не для того ли, чтобы ничего не сказав, впустить в дом рыжего бродягу – наглеца, который полночи шарится по квартире, не дает спать. Паршивого забулдыгу, который, словно здесь не квартира, а склад, оставил две большие уродливые и грязные сумки.

Погруженная в невеселые мысли Наталья вышла в прихожую, открыла шкаф и заглянула внутрь. На нижней полке лежала согнутая, похожая на жирную змею труба пылесоса, а над ней висел розовый пуховик, грубый Васин кожан, ветровка с тремя полосами и Она. Наталья нежно провела рукой по черной, переливающейся в фиолетовый цвет, мягкой, ласкающей шерстке. С трудом оторвав взгляд от шубы, Наталья достала трубу, зашла в комнату и воткнула трубу в пылесос. На какое-то время она застыла, о чем-то раздумывая. Оживившись, Наталья подошла к окну, раскрыла его. Из окна потянул сухой и морозный воздух. Наталья улыбнулась, снова вышла в прихожую, открыла шкаф, достала и надела шубу. Она долго разглядывала себя в шубе, стоя у зеркала. Распахивала и запахивала ворот, прятала в мех свои нежные щеки, смешно закатывала большие глаза. Шуба, словно живая, подмигивала и светила вызывающей роскошью. Эта игра продолжалась достаточно долго.

Наконец Наталья вернулась к пылесосу и, напевая популярную песенку Димы Билана Believe Me, приступила к уборке. Ее отвлек телефонный звонок. Звонил Вася.

– Ты дома? – спрашивал он.

– Дома пока, – отвечала Наталья.

– Павел сейчас приедет.

– Зачем?!

– Хочет свои вещи забрать.

– А... Тогда пусть забирает.

– Ты не уходи никуда пока.

– Хорошо. Хорошо.

– У тебя все нормально?

– Да. Нормально все. Убираю.

– Я встречу тебя после работы. До встречи.

– Пока. – Одета в шубу Наталья с усердием продолжила пылесосить тесную комнату.

Через час появился Крючков. На сей раз быстро, без приключений. К его появлению дорогая норковая шуба уже заняла место в шкафу. Хозяйка встретила визитера в махровом домашнем халате с плотно запахнутым воротом.

– Добрый день, – с порога поздоровался Павел.

– Добрый, – сказала Наталья. При этом лицо у нее сморщилось, словно она надкусила кислое яблоко.

Павел отвел глаза.

– Можно войти? – поинтересовался он.

– Заходите, – разрешила Наталья.

Павел шагнул в прихожую.

– Аккуратней вы. Полы везде чистые, – недовольно проговорила Наталья, следя, как Павел скидывает ботинки и ставит их на половичок. – Куртку свою вешайте сюда, – она указала на вешалку.

– Да не стоит. Я только заберу паспорт и сразу уйду, – сказал Павел и уже хотел направиться в комнату...

– Молодой человек, вы не на вокзале, – остановила его Наталья. – У нас по квартире в верхней одежде не ходят, – объяснила она.

– Ну, если не ходят...

– Давайте без «ну». Почему вы, вообще, так со мной разговариваете?

Крючков промолчал и снял с себя куртку.

– Вы же по своему дому в шапке, куртке, ботинках не ходите, заразу всякую не растаскиваете, – продолжала выговаривать Павлу Наталья.

«Вот привязалась ведьма, черт бы ее подрал», – думал про себя Павел, в сопровождении хозяйки заходя в комнату. Две клеенчатых сумки стояли у окна. Павел быстро нашел пакет с паспортом и носками, достал документ, застегнул и приплюснул сумку, чтобы она не казалась слишком объемной. Он желал поскорее покинуть негостеприимный дом, но Наталья перегородила ему дорогу.

– Молодой человек, вы ничего не забыли? – уставившись на Крючкова глазами волчицы, с нескрываемым гневом сказала она.

Павел цокнул языком и вздохнул.

– Я договорился с Васей, что сумки постоят несколько дней у вас, – произнес он как можно спокойней.

– А мне Вася сказал, что вы заберете их прямо сейчас. У нас комната пятнадцать метров плюс мебель, плюс ваши грязные сумки. Ступить некуда!

– Пожалуйста, потерпите. Завтра я их заберу, – холодно проговорил Крючков.

– Ах, так! – вскрикнула девушка и бросилась к лежащему на телевизоре телефону, схватила, нажала кнопку и нервно с надрывом заговорила:

– Твой товарищ совсем оборзел. Ходит, хамит. Если сейчас же не уберется со своим барахлом, я вызываю милицию. Поговори с ним, – она резко сунула трубку Крючкову.

Помрачневший Павел взял телефон.

– Паш, чего у вас там случилось? – участливо поинтересовался Брусничников.

– Вась, не переживай. Все нормально. Я забираю вещи и уйду, – сказал Павел, вернул телефон гневной Наталье, подхватил и поволочил сумки в прихожую.

«Сумасшедшая», – думал Крючков, одеваясь. Он обеспокоенно ощупал карман, где лежала пачка купюр. Все было на месте.

– Дура больная, – негромко произнес он, когда за ним громко хлопнула дверь.

Лифта в подъезде не было. Павел поправил на голове шапку, взял в руки сумки и пошел вниз по лестнице.

Расстояние до железнодорожной станции Крючков преодолел резвой рысцой. Было три часа дня. Павел очень боялся опоздать к назначенному интервьюером времени. Сумки здорово мешали делу. Павел знал, что когда-нибудь сбросит с себя этот груз, а пока нужно терпеть. Нужно забыть про усталость и не терять веру.

Ему опять повезло. Лишь только он ступил на платформу, вереница зеленых вагонов вытянулась перед ним и замедлила ход. Разлепились и грохнули двери. Надсадно дыша, спотыкаясь о сумки, Крючков ввинтился в прокуренный тамбур. Над головой совсем неразборчиво прохрипел чей-то голос. Вновь зашипели и грохнули двери. Резко дернуло. За стеклом поползли фигурки людей и бордовые кирпичи привокзальной постройки. Электричка разгонялась и громыхла вагонами. Навстречу вылетела громадина подвесного моста. Сквозь металлическую арку замелькали обрамленные по берегам кромкой еще не окрепшего льда черные воды канала. Поезд грянул чугунным оркестром колес поминальную безымянным страдальцам, чьими руками и на чьих же костях создавалось одно из величайших творений ушедшей эпохи. Не слышно стука их затупившихся заступов и лопат. Лишь вдалеке, щемя сердце, отчетливо горят точки окон в зданиях общежитий Университета культуры. Надвигается и улетает назад станция «Левобережная» и вместе с ней застывший в зевке, да так и пропавший студент.

Вот и Москва. Медленно выплыл громадный заброшенный корпус покрытой мрачной тайной легенд ховринской больницы. Тянутся ветки железнодорожных путей, расходящиеся веерами. По правую сторону, с горки, истошно визжа, катится слепой вагон в белых отсветах прожекторов. Промелькнул «Моссельмаш». Когда-то «Пост № 2», где пивная и вытрезвитель, ютившиеся через забор друг против друга, никогда не восстанут из прошлого. И деревня Дегунино на берегу некогда чистой реки Лихоборки, чьи воды, перемешавшись с бензином, до сих пор переливаются в неглубоком овражке. И кирпичный завод, где теперь с креном на север высится многоэтажка гостиницы Метростроя. И коровы в болотистом перелеске, и крестьяне – хозяева этих коров. Дремучая Марьино Роща с канувшей в Лету разбойницей с ее несчастной любовью, с исчезнувшим под массивами современных железобетонных построек кладбищем для безродных бездомных. И уносится весь прошлый мир. Куда-то – далеко-далеко. Без оглядки.

Поезд мчится. Все позади. Пролетело. И некогда вспомнить. Вот уже, вытянув пальцы перронов, торжественно наступает вокзал. Его старинные стены смотрели когда-то на исчезнувшие в серебристом тумане Красный пруд и Каланчевское поле, с ползущими по Стромынской дороге санями извозчиков.

Все плотней обступает Москва. Сгущается, затягивает серым дымом. И хочется верить, что все не напрасно. И лучшее ждет где-то там впереди – в будущем.

Петляя по знакомым местам, Павел вновь оказался на станции метро «Комсомольская». Метро – очень опасное место. Нельзя заходить за черту на платформе и нужно держаться за поручни на эскалаторе. Об этом твердят голоса из установленных повсеместно динамиков. Однако существуют другие серьезнейшие положения и правила для проезда в метро. В первый же день пребывания в Москве наш герой получил здоровенный синяк на бедре и был нещадно обруган суровыми пассажирами московской подземки. Теперь он знал, что магнитную карточку нужно прикладывать к желтому кругу, а проходить турникет обязательно слева (ему как левше это было не очень сподручно). Иначе наскочишь на вылетающие из коварной машины перегородочки. Он понимал, что не нужно цепляться руками за стены вагона, стоя в проеме дверей на ходу у пассажиров: все равно грубо вытолкнут. Он знал это благодаря полученному в первый день, пусть не очень удачному опыту.

Крючков не терялся, как прежде. Мало того, сам принялся очень критично оценивать поведение других пассажиров.

– Полегче, мужчина, – нахмурившись, выговаривал он пареньку, что без всяких причин пихал его локтем.

– Нельзя ли подвинуться? – выговаривал он застрявшей на самом проходе неповоротливой женщине.

В вагоне толкались раздраженные люди. Крючков боролся за жизненное пространство в плотном кольце человеческих тел, ощущая, как соседи теснят и наступают на расставленные у его ног сумки. «Пусть наступают. Меня бы не раздавили», – думал Крючков. Он быстро ощупывал деньги в кармане, вздыхал и делал попытки немного расслабиться.

Вот, ухватившись за поручень, неподалеку стоит очень красивая девушка. У нее очень красивые глаза. Такие задумчивые, зеленые глаза. Как все толкаются. Тесно здесь. Да еще эти сумки мешают. А так обязательно поинтересовался бы, о чем она думает, интересно.

На «Библиотеке имени Ленина» в вагон втиснулся странный субъект в солнцезащитных очках. Он распахнул газету с объявлениями о продаже подержанных автомобилей и погрузился в чтение. В тесном вагоне беспардонно развернутая газета выглядела вызывающе.

«Совсем опупел», – в смешанных чувствах недоумения, досады и любопытства подумал Крючков, когда лист слегка зацепил его подбородок. Крючков изучил несколько объявлений в газете и не нашел ничего интересного. «Очень странный тип», – окончательно убедился он; вытянул шею, чтобы снова увидеть прекрасную девушку. Лист газеты скользнул еще ниже и тут

же забылся. «Интересно, на какой станции выйдет красавица? Если вместе со мной, тогда мне повезет», – загадал Павел. Так и вышло. Девушка покинула вагон на станции «Парк культуры». Крючков мечтательно проводил девушку взглядом, когда она, резво переступая стройными ножками, понеслась к эскалатору. До назначенной встречи оставалось десять минут. Офис центра «Стар Стаф» располагался в минуте ходьбы. Время не поджимало. Павел решил приберечь силы и не спешить.

В приятном, украшенном грамотами и официальными письмами от благодарных клиентов фойе, где Крючков уже имел честь побывать, сидело несколько визитеров разного пола и возраста. Все сосредоточенно заполняли бланки. Павла, как в прошлый раз, усадили на длинный диван, выдали ручку и бланк анкеты.

– Я уже заполнял, – улыбаясь, сообщил Павел, вызвав тем самым некоторое замешательство у похожей на делового дрозда секретарши в коричневой юбочке и пиджачке, за которым виднелся воротничок белоснежной рубашки.

– У нас заполняли? – нахмурившись, уточнила она.

– Да. Я был здесь вчера.

– Ах да, конечно. Вспомнила ваши баулы, – разжав улыбку, секретарша кивнула на сумки Крюčkова. – Могли бы вы еще раз заполнить?

– Лучше, чтоб вы нашли ту, которую я заполнял.

– А кто у вас ее принимал?

Павел, как мог, описал симпатичную, бойкую девушку в клетчатой юбке.

– А-а-а, – понимающе закивала ему секретарша, – это Вера Тушенкина – наш бывший сотрудник. Она теперь здесь не работает. Извините за неудобство, но придется еще раз. Как только закончите, я позову интервьюера.

– Хорошо, – смирившись, произнес Павел. – День Сурка какой-то. Все приходится повторять по сто раз, – проворчал он. В надежде разорвать заколдованный круг Крючков приступил к работе.

Он протянул заполненный бланк секретарше; та поднялась из-за стойки, пригласила пройти за ней. Соседнее помещение вызвало у Павла ощущение, какое случается у не до конца проснувшегося человека – когда еще грезится невероятное, но уже объясняешь себе, что все только снится. Стены и мебель в зале были кораллово-красного цвета. В три ряда стояли столы с мониторами и телефонами, за которыми трудились молодые сотрудники. Перегородки между столами отсутствовали. Молодые люди водили мышками, стучали по клавиатурам или общались по телефонам, от чего в помещении стоял нескончаемый гул. За рядами работников возвышался помост со стеклянной колбой. Внутри колбы на прозрачном стуле сидела полноватая миловидная женщина в белом манти, наблюдавшая за происходящим. Пододвинув к себе микрофон, прикрепленный к стеклу на присоске, она отдавала команды на каком-то не поддающемся идентификации сленге:

– Тридцать шестой, произведите, пожалуйста, северный ветер. Двенадцатый, больше джазу! Переходите к подвыподвертам. Помните, вы с клиентом в соитии – на общей волне.

Проведя Павла через весь зал, секретарша остановилась у дальней стены и открыла дверь в комнату-келью.

– Подождите немного. Сейчас интервьюер подойдет, – сказала она.

В освещенной электричеством комнатке никого не было. Сквозь бойницу окна было видно, как в сгустившемся сумраке падают снежные хлопья. На подоконнике стоял горшочек с кустиком вечно цветущей бегонии. Крючков уселся на одно из двух кресел, разделенных столом с прикрученной к нему лампой, и в ожидании устался на календарь с репродукцией «Девушки с персиками», что висел на противоположной стене. Внешность девушки, запечатленная кистью Серова, поразительно напоминала ту, что командовала из стеклянного кокона. «Ну, а персики – это мы. То есть нас можно есть, или гладить, или перекаладывать, как

удовно», – хохотнул над своею догадкой Крючков. Ему показалось, что он смог проникнуть в тайные мысли изощренного подхалима завхоза. Почему именно завхоза, он объяснить не мог. Множество всяческих отвлеченных соображений крутилось в голове у Крюčkова. Он ерзал на сидении неудобного кресла, переживал за успех предстоящего собеседования и здорово нервничал.

Ожидание интервьюера длилось недолго. В комнатке нарисовался худощавый с болезненно бледным, украшенным аккуратной бородкой лицом паренек. Он бросил взгляд на Крюčkова, произнес:

– Добрый вечер, – сел в свободное кресло, разложил перед собой распечатанное резюме и анкету Крюčkова.

– Итак... – произнес паренек и покашлял в ладонь. – Вы у нас маркетолог.

Прописаны в городе... Угу... Образование высшее экономическое. Закончили областной институт... Ага. Стаж на должности – полтора года. До этого работали продавцом. Английский язык – словарь... – Паренек пристально посмотрел слезящимися от простуды глазами на Павла: – Как вы докатились до жизни такой?

– В смысле? – с недоумением переспросил Павел. Его смутила формулировка вопроса и нагловатый тон паренька.

– Что слы... – парень закашлялся, – что слышали, – договорил он. – Или у вас проблема со слухом? Расскажите что-нибудь о себе. Вы родились в маленьком городке. Учились тоже в какой-то провинции. Областной экономический институт города... Че за богадельня такая, понятия не имею. Теперь вы в Москве...

Павел помрачнел. Ему стало очень обидно за свой городок и учебное заведение, где он учился, но он постарался, как мог, рассказать, что заставило его оказаться здесь и отвечать теперь на вопросы этого хамоватого кренделя. Он начал рассказывать о своей предыдущей работе. Слушая Павла, молодой бородач, не отрывая глаз от анкеты, уточнял некоторые моменты, интересовался, разбирается ли соискатель в специальных программах. Павел сообщил, что с некоторыми ему довелось иметь дело.

– Значит, в ваши обязанности, кроме исследований и аналитики, входило еще и общение с клиентами?

– Да. Я звонил потенциальным заказчикам.

– А когда вы впервые звонили им, как начинали общение?

– Ну, как... Пытался завязать разговор о деле.

– То есть? Вот вы звоните и говорите: здравствуйте, это я – Пашка-Степашка. Или как там вас? Паша Крюк... Давайте поговорим о деле. Кстати, как думаете, Степашка – девочка или мальчик? – Задав идиотский вопрос, интервьюер, как это делают на допросах, включил и развернул лампу, направив ослепляющий луч Павлу Крючкову в лицо.

– Хватит дурака валять! – взорвался Крючков. Он с трудом удержался, чтобы не врезать по роже нахальному собеседнику.

Бородач молниеносно завернул лампу.

– Извините, Павел Ееоргиевич, – на сей раз без ерничества примирительно произнес он. – Работа такая. Вы только что были участником стресс-интервью. Я испытывал вас. Наш центр по трудоустройству получает заказы на подбор персонала от разных компаний. Некоторые заказчики настаивают на проведении стресс-интервью. То есть хотят, чтобы у их сотрудников были железобетонные нервы.

– Пусть наймут себе киборгов и пляшут от счастья, – не сдерживая раздражения, брякнул Крючков.

– Таких киборгов, к сожалению, а может быть, к счастью, пока не изобрели, – философски изрек бородач. – На будущее скажу вам одну очень важную вещь. Если человек действительно хочет получить работу в конкретной компании, то он многое стерпит и на многое

пойдет. Вашу анкету и видеозапись интервью посмотрит работодатель. Мы позвоним вам, – бородач протянул вялую руку. Павел пожал ее.

Центр по трудоустройству наш герой покинул, пребывая в глубокой задумчивости. Весь этот цирк произвел на Крючкова гнетущее впечатление. «Бородатый сказал, что нужно быть готовым на все. Быть готовым на унижение, на всякую подлость, тьфу блин, а может, убийство младенцев? В жопу таких работодателей. Примут, не примут, я плакать не стану», – размышлял Павел.

Он вспомнил, что почти сутки ничего не ел. Мысль о еде отозвалась тоскливым спазмом в желудке. Наш герой решил перекусить, а затем ехать в Лобню смотреть квартиру.

Со стороны палаток полз удушливый, вызывающий слюнотечение запах шаурмы. За стеклом шаманил пожилой азиат. Ловко орудуя длинным ножом, он срезал ломтики мяса с оплывающего шмата на вертеле. Павел встал в конце очереди. Мужик, уже успевший отдать деньги, ревниво следил, как азиат кладет мясо в лаваш.

– Не жалей. Еще накидай. Побольше мяса. Вот. Вот. Давай-ка, укладывай ровненько, – приговаривал мужичок.

Азиат производил доведенные до автоматизма манипуляции и не обращал внимания на комментарии клиента. Когда дело дошло до капусты и помидорчиков, повар неожиданно запустил руку в штаны, почесался и вернулся к работе, скручивая лаваш с сытной начинкой в пузатую трубочку. Очередь ахнула и, плюясь, развалилась. Павел перекочевал к палатке «Хот-Дог», до него еще долго доносились гневные выкрики мужика, требующего у недоумевающего азиата вернуть деньги.

– Повезло, – Павел хихикнул над комичностью ситуации, приложил руку к сердцу. Улыбка слетела с его лица. Он рванул молнию куртки, сунул руку в карман. Глаза у Павла округлились и заблестели от слез. Он подхватил сумки и бросился бежать; пробежал метров двадцать, остановился.

– Нет, нет, – белыми губами прошептал он, – бесполезно. Это он. Тот очкарик с газетой в метро. Сука, карманник, гнида паршивая. Бестолочь! Бестолочь!

Пространство вокруг как-то сузилось. Звук притупился, преображаясь в неразборчивый гул. Дома, люди, машины застыли. Мир закачался. Земля поехала из-под ног. Глядя перед собой, Павел шагнул. Какой-то прохожий налетел, споткнулся, обматерил его, но он не услышал.

Двигаясь прямо, не сознавая, куда и зачем направляется, Павел поволочил сумки в сторону Крымского Вала. Он не замечал ничего вокруг. Шел, опустив голову. Только по тому, как потемнело вокруг, как сильнее потянул насыщенный влагой, обжигающий ветер, Крючков понял, что пересекает широкую реку. Куда идет, он не знал. Но и стоять не мог. Затмив все остальное, в сознании пылал сатанинским, безумным, собачьим огнем безответный вопрос – что делать дальше?

Он достиг Калужской площади, по переходу пересек Ленинский проспект. Остановился у огромного постамента, расстегнул сумку, зачем-то вынул икону и долго смотрел на нее.

Неожиданно кольнула мысль, что он хоть и обещал, до сих пор не сообщил ничего маме. Поставив на гранитную ступень сумки, Павел сел на нее, бережно спрятал икону под куртку. Снег таял на его шапке и конопатых щеках. Он достал телефон и принялся набирать SMS сообщение: «Дорогая мама, я в Москве. Со мной все нормально. Устроился хорошо. Твой сын Паша».

Над устроившимся у подножия памятника гостем столицы маршировали бронзовые солдаты. Еще выше летела такая же металлическая женщина-вдохновитель, а на самом верху громоздился глядящий вдаль гигантский развенчанный идол. Былые герои ушли. Настоящее жаждало новых. Может быть, тех, кто сидит сейчас в теплых квартирах перед светящимися мониторами и телевизорами.

Глава III

Змеи, блохи, магический талисман и тридцатипроцентный раствор крови дикой кобылы

После того как в закромах Крючкова пошарил умелый карманник, финансовое состояние Павла уменьшилось до трех тысяч пятисот рублей плюс какая-то мелочь. Этих денег с лихвой хватило бы на билет в родной город. Только Павел решил предпринять отчаянный шаг – попробовать договориться об отсрочке оплаты аренды жилплощади в городе Лобня. Созвонившись с арендодателем, Крючков прямо с Калужской площади двинул на Савеловский вокзал, сел на вечернюю электричку и отбыл в подмосковную темноту. Через сорок минут он вышел на залитую электрическим светом платформу.

Благополучно минуя двух одетых в камуфляжную форму безумцев, которые, пьяно крича, били о свои головы пустые пивные бутылки, Павел, ориентируясь по известным приметам, двинулся в глубь темных кварталов. Вскоре он разыскал нужный дом и подъезд. Рядом с подъездом на сухой ветке мрачного дерева громко каркала черная ворона. Вокруг было пустынно. Дул ветер. По небу носились тучи. Павел вдруг пожалел, что не рассказал хозяину квартиры всю правду о своем положении. Он заколебался. Внезапно ему стало страшно: «Ну о чем я буду сейчас с ним болтать? Как уговаривать?»

Вдруг заскрипела и хлопнула форточка. Из светящегося окна с третьего этажа высунулась лысая голова и произнесла:

– Вы Павел?

– Я, – подтвердил Павел.

– У нас в подъезде сломан замок. Заходите. Поднимайтесь на третий этаж. Квартира тринадцать.

Через минуту Павел очутился в небольшой, заваленной всяким хозяйственным хламом прихожей. Перед ним стоял плешивый пятидесятилетний мужчина в растянутых трениках, чьи колени, как флюгеры, перекидывались со стороны на сторону. Мужчину, которого величали Табрелутс Арнольд Валерьянович, смотрел на Павла добрыми голубыми глазами и, разведя руки в стороны, бормотал:

– Вот... Вот... Проходите, смотрите. У нас тут все скромно. Это можно убрать. Обои подклеить, – Арнольд Валерьянович дотрагивался до отогнувшегося от стены слоя обоев. – Мыши у нас по объективным причинам водятся только в клеточке, а тараканы случаются. Но это не большая беда. Здесь зала, где живу я и мои друзья. А здесь, пожалуйста... Вон ваша комната.

– Вы с друзьями живете? – поинтересовался Крючков, слегка задержавшись в прихожей. Его заинтересовал старинный велосипед и огромный дюралевый таз, они висели у пожелтевшего потолка.

– Да. Смотрите. Это мои друзья, – Арнольд Валерьянович тихонечко подтолкнул Крючкова в сторону большой комнаты.

Оказавшись в зале, Павел в крайнем изумлении обнаружил освещенные яркими лампами два яруса прямоугольных стеклянных аквариумов, стоящих вдоль стены на специально устроенных стеллажах. В аквариумах неподвижно висели на веточках либо лежали скрученные в узлы пестрые ленты. Некоторые напоминали канаты, такие они были толстые. Напротив аквариумов стоял деревянный топчан, холодильник и клетка с живыми мышами. Мышей в клетке было так много, что они, попискивая, бегали друг у друга по головам.

– Ух ты! – воскликнул Крючков. – Зачем они здесь?!

– Это мой маленький бизнес, – с гордостью произнес Арнольд Валерьянович. – Я собираю и продаю яд. Да вы не бойтесь. В аквариумах они безопасны. Только нужно следить, чтобы лежала гирия на крышке аквариума, где сидит гюрза. Она сильная очень. Без гири любую крышку открывает. Я и защелки делал. Ничего не помогает. Прямо мистика, – Арнольд Валерьянович нежно провел пальцами по стеклу, за которым лежала желтая с бурыми пятнами жирная гадина.

– М-да... – процедил сквозь зубы Крючков. Можно быть абсолютно лояльным к причудам сторонних людей, пока чужие чудачества не касаются лично тебя. Но эти ужасные змеи стали теперь личной проблемой Крюčkова. Готов ли он провести ночь на морозе или переночевать здесь в окружении ползучих, смертельно опасных, периодически удирающих из заточения гадов? – Если ночью гюрза залезет в кровать, то искать работу утром не нужно будет, – коротко резюмировал Павел.

– Разве они не прекрасны?! – воскликнул Арнольд Валерьянович.

– Знаете, – сдержанно сказал Павел, – в объявлениях принято сообщать о наличии домашних животных. У человека может быть аллергия на шерсть, на змеиный яд или еще чего.

– Может быть, я, конечно, не прав, что сразу не сказал. Видите, у меня дома маленький террариум, – еще шире разводя руки, переминаясь с ноги на ногу так, что на тренировочных еще сильней заколыхались растянутые колени, произнес Арнольд Валерьянович. – Я раньше работал герпетологом – доильщиком змей в серпентарии. Только выперли меня на пенсию. Теперь промышляю сам. У меня свои змейки и своя клиентура. До вас один товарищ комнату снимал. Так он змей не боялся. Сами они не выползут. А если не умеешь с ними обращаться, то и не суйся к ним.

– А если вы крышку в аквариуме забудете закрыть? – недоверчиво хмуря рыжие брови, пробормотал Павел.

– Я профессионал. Такое никогда не случится, уверяю вас.

Крючков заставил себя поверить хозяину. В другой раз он бы плюнул и убежал. Сейчас же Павел осторожно сказал:

– Наверное, таких любителей змеек немного. Если мы сможем договориться об условиях оплаты, я останусь у вас...

– То есть? Условия вам известны. Восемь тысяч за комнату. Чего тут обсуждать? – разгребая воздух руками, сказал покрасневший Арнольд Валерьянович.

– Я не могу заплатить эту сумму прямо сейчас. Могу дать только две тысячи. Остальное через две недели.

Елубокая морщина пересекла блестящий, будто намащенный лоб доильщика змей.

– Ну, это не дело, – сказал он и закричал от досады.

«Я уже сам готов доить его змей, лишь бы он на отсрочку согласился», – размышлял про себя Павел.

– Нет, – твердо изрек Арнольд Валерьянович, – такую отсрочку я дать не могу.

– Понимаете, у меня ситуация, – пытаюсь не взвыть от отчаяния, заговорил Павел. – Меня обокрали. Мне некуда сейчас пойти. Давайте, я буду платить вам триста рублей в сутки и сразу уйду, когда у вас появится другой квартирант.

Арнольд Валерьянович быстро окинул взглядом Крюčkова, на секунду задумался. Алчная искра мелькнула на дне его голубых глаз:

– Тогда пятьсот рублей в сутки.

– Триста пятьдесят? – взмолился Крючков.

Арнольд Валерьянович состроил на своем безбровом, похожем на добрую луну лице сострадание:

– Я бы вас приютил за меньшие деньги. Но деньги, сами понимаете, и так небольшие. Думаете, мне тут поселенцы нужны? По-вашему, я так рад, что у меня здесь серпентарий с

гостиницей? – Арнольд Валерьянович хрустнул пальцами и выпалил: – Хорошо, пусть будет четыреста.

Прикинув, что с такими расходами денег хватит не более чем на неделю, Крючков хмуро буркнул:

– Договорились.

Ночь прошла тихо – без происшествий. Утром Крючков коршуном налетел на еду и с аппетитом слупил шесть куриных яиц, заедая их белым рассыпчатым хлебом, намазанным маслом. Доильщик змей предложил Павлу особой настойки для поднятия тонуса и стимуляции иммунитета. Павел поинтересовался, на каком яде настойка.

– На яде гадюки Ренарда, – сообщил луноликий Арнольд Валерьянович.

– И все-таки змеи ужасные твари, – допив стакан с целебной настойкой, морщась от горького послевкусия, сообщил Павел.

– Напрасно вы их ругаете, – с жаром обиженного правдоруба заговорил Арнольд Валерьянович. – Может ли, например, эта гадюка вам нахамить, обокрасть, потребовать взятку, отравить реку, замусорить лес, начать ядерную войну? Нет! Люди творят преступления и несут зло, а не змеи. Люди несут все зло!

– Но змеи опасны, – убежденно проговорил Крючков.

– Пойдемте, пойдемте, я вам покажу, – Арнольд Валерьянович взял за плечо Павла и увлек за собой. В комнате опытный герпетолог снял со стены специальную загогулину, прикрепленную к деревку, открыл аквариум с коброй.

Крючков сразу же оказался в другом конце комнаты.

– Не бойтесь вы, – проговорил Арнольд Валерьянович. Он с умилением пихнул загогулиной кобру. Кобра подняла голову, несколько раз молниеносно попробовала воздух дрожащим раздвоенным языком.

– Вот моя голубушка, вот моя красавица, – ласково произнес Арнольд Валерьянович, подцепил кобру инструментом и вытащил из аквариума. Змея оплела деревко и вдруг попыталась переползти на запястье хозяина, но тот быстро распахнул холодильник, бесцеремонно бросил туда кобру вместе с загогулиной и закрыл его.

– Уф! Пусть охладится до десяти градусов. С такой температурой тела змеи менее подвижны и не агрессивны. Через полчаса можно с ней целоваться и носить на руках.

– Бойтесь, что тяпнет? – поинтересовался Павел.

– Опасаюсь, конечно. Только не далее как позавчера... Возвращался домой поздно вечером. Так вот, на станции... На железнодорожной станции рядом с овощным рынком видел таких жутких двуногих животных. Ко всем пристают, матом орут, бутылки себе о головы бьют, только стеклышки брызгами разлетаются. А милиционеры, хоть и вооруженные, курят себе в стороне, а подойти и арестовать боятся.

– Они каждый вечер о свои головы бутылки кокают. Это у них шутка наверно такая – бутылки о свою голову бить, – произнес Павел.

– Я здешних хулиганов больше боюсь, – откровенно признался Арнольд Валерьянович.

Крючков промолчал. Мысли о хулиганах и пьяницах, даже о змеях не сильно тревожат, когда понимаешь, что завтра нечего будет кушать и негде заночевать. Все другие тревоги и страхи блекнут и сходят на нет. Хорошая терапия для неврастеников, озабоченных вздором типа вторжения инопланетных существ и ожидания скорого конца света.

Павел стал собираться. Очередной кадровик ждал его на собеседование.

Электричка ползла в сторону станции Лианозово мимо станции Марк. Справа тянулся занесенный снегом пустырь с высокой пожухлой травой и худосочными ивами. Вдоль заржавленных рельсов стояли похожие на слетевшихся поклевать теплую землю грачей продавцы рухляди.

Несколько сотен людей съезжались сюда торговать бывшими в употреблении предметами, начиная от антиквариата, кончая найденными на помойке обносками. Кофточки, юбочки, бабкины сумочки, самовары, кастрюли с отбитой эмалью, вымпелы с вышитым Лениным, Сталиным, валенки, книги по прикладной информатике, трубки с изгрызенными мундштуками, шапки-ушанки, кассетные фотоаппараты, иглы для патефона и сам патефон; чего только не было на раскладных столиках и расстеленных на земле целлофанах. Попадался и ширпотреб из Китая. И такие, к примеру, вещицы, как почти не ношенные женские сапоги прошлогодней коллекции итальянского модного дома «такого-то».

Крючков прилепился к окну, разглядывая ассортимент барахолки.

– Можно попробовать, – тихо произнес он. Его посетила идея избавиться от дорогих, но, ввиду наступившей зимы, непрактичных вещей. Демисезонный плащ Calvin Klein, часы Seiko и почти новенькие элегантные туфли на тонкой подошве могли принести около десяти тысяч рублей. В счастливую пору финансового благополучия Павел потратил на это добро в два раза больше.

«Десяти тысяч хватило бы на оплату жилья и недельные накладные расходы», – размышлял Павел. От раздумий его отвлекло оживление в вагоне.

– Контролеры. Контролеры, – несколько раз прозвучало тревожное предупреждение.

– Контра идет! – задорно провозгласил розовощекий крепыш, бежавший по вагону с толпой других безбилетников.

Крючков встрепенулся, поднялся и заспешил вместе с ними. Он ехал зайцем. Не потому, что не успел взять билет, а потому, что хотел сэкономить. Сбереженные таким образом деньги автоматически переводились на стоимость пищи. Хотя любой железнодорожный работник сказал бы Крючкову, что безбилетный проезд в электричке не лучше хищения продуктов из магазина. И был бы, конечно, не прав. Ведь поимка за воровство в магазине и безбилетный проезд грозили разными следствиями.

Крючков научился увиливать от контролеров, перебегая «зачумленный» вагон по платформе на остановке. Он производил это с легкостью в том случае, когда не мешали тяжелые сумки. Сложнее было на выходе. Перескочить турникет не давали охранники. А платформы были окружены металлическим частоколом.

Существовало три варианта. Первый – спрыгнуть с платформы и обойти частокол. Второй вариант – купить билетик по минимально возможной цене в так называемой кассе на выход. Третий вариант – сунуть десятирублевку охранникам, чтобы они пропустили. Все эти способы имели слабые стороны. Частокол мог упираться в ряд гаражей или стену промышленной зоны, что вынуждало предпринимать слишком далекий поход, когда в частоколе не было дырок. Опасаясь соглядатайства, охранники не всегда брали деньги. У кассы на выход толпилась огромная очередь. Да и расходоваться не хотелось. Поэтому Павел обычно обходил или перелезал железный забор.

Каждый день самостоятельной жизни в столице Крючков получал новый опыт. В его сознании рушились воспитанные стереотипы. Помнится, наш герой чистосердечно считал, что ездить зайцем и прыгать с платформы ниже достоинства уважающего себя гражданина. Мало того, осуждал за такие поступки других. Так вот, теперь сам прыгал. Да еще как сигал! Перелезал через турникеты и бегал от контролеров, протягивал десятирублевки охранникам. Да что говорить о таких пустяках, когда, разглядывая на прилавке сытную сырную плюшку, голодный Крючков задумывался, как бы поудачней пихнуть ее за молнию куртки и незаметно вынести из супермаркета.

Антисоциальное поведение. Непорядочность. Павел стал выпадать из разряда приличных, законопослушных людей. За всеми совершаемыми незаконными действиями стояла жутковатая неопределенность. Когда Павел думал об этом, мрачные мысли вспучивались в голове,

щекотали тревогой затылок, прятались за спиной, сгибали и не давали покоя. Павел не хотел терять статус добропорядочного гражданина.

Однако его положение было отчаянным. Отчаяние управляло поступками Павла. Но все-таки его сердце согревалось надеждой: скоро все переменится к лучшему. А сейчас требовалось всеми правдами и неправдами взять и удержать высоту. Высотой Крючков называл возможность жить и работать в Москве. В Москве – метрополии.

В тот день, участвуя в непродолжительном собеседовании, наш герой узнал прелюбопытную вещь. Оказывается, некоторые работодатели не любят «дешевых» сотрудников. «Скромность теперь не в почете», – с воодушевлением подумал Крючков. Он не услышал, как у него за спиной загремел издевательский, демонический хохот.

Арнольд Валерьянович разбирался с выпавшим на его долю заказом. Китайские фармацевты хотели приобрести порции змеиного яда кобры и щитомордника. Это был очень серьезный заказ. Водить дружбу с китайцами было по-настоящему прибыльно.

Пенсионер герпетолог подоил свою любимицу кобру. Затем пришла очередь щитомордника. Этот ползучий объект обладал прескверным характером. Он всегда хотел чикнуть Арнольда Валерьяновича, но ловкий доильщик не давал такой возможности разъяренной змее. Арнольд Валерьянович умел предугадывать молниеносные выпады щитомордника. Для доильщика змей выкрутасы злобного щитомордника были забавой. Другое дело, когда приходилось работать с гюрзой. Благодаря своей силе она легко вырывалась из рук. Длинные смертоносные зубы при невероятно подвижной челюсти могли достать, даже если крепко сжимать ее голову. Арнольд Валерьянович хотел подоить и гюрзу, но, посмотрев на отметины в календаре, решил, что процедуру стоит отложить на пару суток. Гюрзу насиловать было нельзя чаще положенного.

Когда все змеи были в аквариумах, а специфичный товар в герметично закрытых стаканчиках перекочевал в холодильник, Арнольд Валерьянович склонился над клеткой с мышами.

– Так, – сказал он, выпятил губы, какое-то время следя за хаотичным передвижением грызунов. – Кто из вас пожирней, тот и пойдет на обед кобре.

Арнольд Валерьянович приподнял и потряс клетку. Мыши покатались по ней, словно жертвы кораблекрушения в фильме «Титаник».

– Так, – еще раз повторил Арнольд Валерьянович, скользя взглядом добреньких голубых глаз по мышам. В этот момент раздался звонок. Отвлеченный от любимого дела пенсионер тихо ругнулся, поставил клетку и пошел в прихожую.

Повеяло бальзамической сладостью ладана с примесью горечи бергамота шипровых духов. В квартиру вошла женщина элегантного возраста. Сестра была на пять лет младше брата. У нее были шикарные темные волосы, интересное, немного квадратное, с выдающимся носом лицо. Двигалась она порывисто и красиво. Но годы и непростые обстоятельства жизни брали свое. На старательно обработанной косметическими препаратами коже тут и там пробивались сетки морщин. Упрямые, вылезали из-под тонального крема синюшного цвета круги и оттеняли наполненные драматической влагой глаза, еще больше подчеркивая неутоленную жажду внимания, любви и возрастную усталость. Стоит ли объяснять, что сестра совершенно не походила на брата, точнее, была его полной противоположностью.

Аурелия Иосифовна и Арнольд Валерьянович имели общую мать Герду Атсовну. Валерьян Николаевич Табрелутс был репрессирован в пятидесятом году как эстонский кулак и сочувствующий «лесным братьям». Своего сгинувшего на этапе отца Арнольд Валерьянович не знал. Не помнил он и отца Аурелии – цыгана Иосифа, который с рождением дочери исчез, на сей раз по собственной инициативе. Зато Арнольд Валерьянович очень хорошо помнил московское детство и свою мать Герду Атсовну – эстонскую ведьму, как она любила себя называть, и отчима Модеста Пафнутьевича Щекочихина – инженера (он хорошо помнил его лицо). Отчим днем и ночью пропадал на секретной работе, а мать промышляла гаданием и изготовлением талисманов. В советских газетах наряду с объявлениями о продаже велосипеда «Салют» и

катушки для спиннинга «Невская-150» можно было увидеть такое: «Потомственная ведьма из Эстонии. Гадает на картах. Изготавливает талисманы. Поможет узнать ваше будущее, решить проблемы в жизни и семье. Всегда с гарантией».

Да... Герда Атсовна была оригинальная женщина. Детей своих она хоть и любила, но в силу темперамента уделяла им недостаточно внимания. Когда она была молода и красива, ее окружали поклонники. По вечерам Герда Атсовна натирала себя благоуханными снадобьями, вскакивала на ясеневый черенок собранной из березовых веток метлы и вылетала в окно. В это время Арни и Аура оставались в неприбранной пыльной квартире и ничего не боялись. Мать говорила, что от злых наваждений помогает ее колдовство. Маленькая Аура верила в чудеса, а ее повзрослевший брат не верил ни во что, но и не боялся.

В школе маленькому Арнольду приходилось выслушивать множество гадостей, самая безобидная из которых состояла в том, что его мать в полнолуние превращается в летающую свинью и нападает на честных сограждан. Как-то Арни надел фуражку козырьком назад, а руками сделал кукиши, при этом одну руку положил в карман, а другую за пазуху и в таком виде явился на глаза Герды Атсовны. Мать здорово отругала его. Но и после этого Арнольд Валерьянович не поверил, что его мать настоящая ведьма.

При больших недостатках Герда Атсовна имела большие достоинства. У нее были искусные руки. Талисманы, которые она изготавливала из дерева, камушков и кораллов, были на удивление изящны.

Однажды в черный декабрьский вечер, когда все ждут волшебную новогоднюю ночь, мать-ведьма усадила перед собой Арни и Ауру.

– Дети, – торжественно проговорила она, – я хочу сделать вам очень ценный подарок. Этот магический талисман принесет вам удачу на все времена. Он состоит из двух долек. Вот. Одна половинка тебе, моя ненаглядная Аура, другая половинка тебе, сынок Арни, – Герда Атсовна протянула детям две янтарные капли. – Каждый из этих кусочков лишен силы. Если их вместе сложить, – объясняла она, – получается целое. Только тогда работает талисман и приносит счастье. Этот кружочек и есть великая сила. Благодаря этому талисману любое ваше желание сбудется. Но помните: янтарные капельки обязательно должны быть всегда вместе.

Герда Атсовна поцеловала детей, вскочила на ясеневый черенок волшебной метлы и улетела. Арни и Аура снова остались одни и провели новогоднюю ночь у маленькой выпуклой линзы первого в СССР черно-белого телевизора.

С тех пор утекло много лет. Чудес никаких не происходило. Янтарные капли хранились у Арни и Ауры и ни разу не воссоединились. Нужно заметить, что брат и сестра, повзрослев и разъехавшись по отдельным квартирам, почти не виделись.

Арнольд Валерьянович принял у Аурелии Иосифовны кремовое полупальто и эффектный берет, пригласил пройти в комнату.

– Я боюсь за тебя, брат, когда думаю, каким опасностям ты себя подвергаешь, – проговорила Аурелия Иосифовна, с замиранием сердца разглядывая змей.

– Змеи не так опасны. Люди опасней, сестра, – заметил Арнольд Валерьянович. – Может быть, горячего чаю?

– Да. Будь так любезен, если у тебя есть, завари мне зеленый без сахара, – сказала сестра.

Размахивая растянутыми коленями на тренировочных брюках, Арнольд Валерьянович вышел на кухню. Сестра осталась в комнате со змеями.

– Наверное, в прошлой жизни я была кроликом, – переходя от аквариума к аквариуму, прошептала она. Аурелия Иосифовна оторвала взгляд от ядовитых рептилий и стала оглядывать комнату. Она зачем-то сняла с полки вазочку, вытряхнула торчащие из нее ручки, осмотрела и возвратила обратно.

– Я вот по какому к тебе делу пришла. Помнишь наш маленький талисман, брат? – сказала сестра, когда тот вернулся с двумя дымящимися чашками чая.

– Помню, – заулыбавшись, кивнул головой луноликий Арнольд Валерьянович.

– А где сейчас твоя половинка? – с блеском в глазах спросила Аурелия Иосифовна.

Арнольд Валерьянович усмехнулся:

– Если поискать, то найдется. А зачем тебе она?

– Понимаешь... – Аурелия Иосифовна запнулась и потупила взгляд.

Луноликий Арнольд Валерьянович мигнул, протянул ей чашку.

– Ты даже не представляешь, как была пуста моя жизнь после той страшной катастрофы, когда я потеряла мужа. Я была так одинока. Всегда одна. Но теперь у меня появился мужчина. Он очень добрый и очень хороший человек. Но я очень боюсь его потерять. Мне постоянно не везет. Всю жизнь не везет! – Аурелия Иосифовна закрыла руками лицо, всхлипнула, из-под ее ладошек закапали слезы.

Никто не мог представить, как болела ее душа. Она чувствовала, что уже достигла вершины горы, откуда один путь – в долину забвения женщин. Она могла еще спеть свою лебединую песню любви и хваталась за смутные перспективы совместной жизни с прекрасным мужчиной. Она боялась, что ее любовная связь лопнет, как наполненный воздухом шар. Она готова была всем пожертвовать, заложить свою душу дьяволу, лишь бы новый возлюбленный не оставил ее.

Арнольд Валерьянович спокойно наблюдал за разворачивающейся перед ним трагикомедией. Он давно пришел к выводу, что все женщины мелкие шантажистки, хитрые истерички, и в такие драматические моменты особенно им не сочувствовал.

Аурелия Иосифовна выплакала достаточно слез и продолжила:

– Это пророчество нашей матери. Когда половинки талисмана разделены, нам не видать счастья.

– И что ты предлагаешь? – с усмешкой проговорил Арнольд Валерьянович. – Мы же не можем жить вместе. У тебя своя жизнь, у меня, слава богу, своя.

Аурелия Иосифовна умоляюще посмотрела в улыбающиеся голубые глаза:

– Я не это тебе предлагаю. Мог бы ты дать мне, хотя бы на время, половинку талисмана, которая осталась у тебя?

– Не могу, – спокойно проговорил Арнольд Валерьянович.

– Почему?

– Потому что эта половинка моя.

– Ну зачем тебе она? Ты все равно в это не веришь! – нетерпеливо воскликнула сестра.

Арнольд Валерьянович разозлился:

– Знаешь, что... Моя вера не твоя печаль. Во-первых, это единственная память о матери. Хоть какая-то... У тебя после нее памяти значительно больше осталось. И не говори мне ничего! – Арнольд Валерьянович погрозил пальцем. – Не тебе на судьбу пенять!

У Аурелии Иосифовны снова заблестели слезы в уголках глаз. Она виновато склонила голову и уронила соленую каплю в чашку с остывающим чаем.

– Чего хорошего получил я? Только эту квартиру, – распинался взволнованный Арнольд Валерьянович. – И то не от матери. Отчим ее мне отдал. А тебе и дачный участок, и квартиру в центре Москвы. Все тебе! Вот зачем тебе дачный участок?

Вместо ответа Аурелия Иосифовна еще сильнее склонилась над чаем.

– Все для тебя! Все тебе! – с жаром выговаривал Арнольд Валерьянович. – Все для любимой дочурки! Любимой Ауры!

Произнеся эту тираду, он сам поразился, как глубоко сидела в нем до сих пор не высказанная обида.

– Арни, мы с тобой давно уже взрослые люди, зачем такое мне припоминать. Это жестоко, жестоко, – пролепетала Аурелия Иосифовна, всхлипывая.

Арнольд Валерьянович окончательно успокоился. В прагматичном сознании доильщика змей возникла лишенная всяческих сантиментов мыслишка. Он хорошо знал свою сестру – не очень умную, но решительную, исключительно честную женщину. Сестра всегда была до невероятия предсказуема и не умела ничего скрыть. А если вбивала себе в голову какую-нибудь ерунду, то не считалась с затратами, добивалась желаемого. Аурелия Иосифовна могла многое приобрести, чтобы легко потерять.

Ушлый специалист по рептилиям решил не упускать представившуюся возможность, чтобы извлечь из ситуации хорошую выгоду. Он снова заговорил о дачном участке. Стал спрашивать о состоянии хозяйства; требовал подробности. Сбитая с толку сестра не понимала, куда клонит брат, и несколько раз безуспешно пыталась вновь заговорить об интересующем ее предмете, но зыбкий Арнольд Валерьянович уходил в сторону и снова возвращал разговор к дачной теме. Спрашивал всякий вздор: сильно ли там заросло травой, кто соседи и есть ли среди них сильно пьющие, какое состояние дороги и большие ли пробки в пятницу до Дмитрова. В итоге Арнольд Валерьянович логично заключил, что сестре участок не нужен. Аурелия Иосифовна не выдержала, снова спросила: отдаст ли ей брат янтарную каплю? Арнольд Валерьянович не сразу ответил. В задумчивости он подошел к клетке с мышами, снова потряс их, после чего сообщил:

– Мне очень не хочется отдавать эту штуковинку. Ведь она – подарок матери. Память.

Доильщик змей внимательно посмотрел на сестру. Аурелия Иосифовна бессмысленно крутила в руках пустую чашку. Она была в замешательстве. По дороге к брату она предчувствовала, что тот не захочет отдать ей свою часть талисмана. Не потому, что кусочек янтаря ему нужен и дорог, а из мелочности. Все же Аура не могла не верить в удачу. Она во что бы то ни стало хотела добиться своего. Верила, что сможет уговорить этого бессердечного Арнольда.

Обрадованный состоянием сестры Арнольд Валерьянович продолжил:

– Я бы никогда не предложил тебе такое, но мне нужна земля за городом. Давай обменяемся. Ты мне отдаешь участок, а я тебе янтарную каплю. Идет?

– Так не честно. Тебе же это ничего не стоит, – произнесла Аурелия Иосифовна с интонацией презрительного удивления.

– А тебе участок зачем?

– Я хотела продать его. Мне нужны деньги.

– Деньги всем нужны, – ухмыльнулся Арнольд Валерьянович. – Если бы талисман ничего не стоил, то и разговаривать было бы не о чем. Я тебе свою половинку отдам. А могу ее на завтрак с кашей съесть, и все будет по справедливости.

– Хорошо, – гордо произнесла Аурелия Иосифовна. – Не хочешь подарить, я куплю у тебя за участок.

– Тогда завтра оформим бумаги, – по-деловому сообщил Арнольд Валерьянович. – Я отдам тебе янтарную каплю после подписания дарственной у нотариуса.

Родственники договорились о месте и времени встречи. Больше обсуждать было нечего. Арнольд Валерьянович помог Аурелии Иосифовне одеться и без сожаления спровадил ее. Вернувшись в комнату, он надел на правую руку негнущуюся брезентовую перчатку, залез в клетку и без колебаний вынул за хвостик загодя избранного для принесения в жертву мыша. Закинув грызуна в аквариум с коброй, Арнольд Валерьянович принялся ждать. Ничего интересного не происходило. Кобра лежала, свернувшись в клубок, в одном углу, а боязливая мышь забила в другой и притаилась. Арнольд Валерьянович решил придать динамичность сцене. Он взял загогулину и подтолкнул грызуна прямо под нос змее, та сделала выпад и укусила мягкое тельце. Мышь упала на спинку, забившись в конвульсиях.

Глядя на агонизирующего грызуна, Арнольд Валерьянович начал усиленно думать. Грандиозные планы разворачивались у него в голове. Строительство частного дома, переезд на постоянное жительство за город, свежий воздух, натуральная, экологически чистая еда.

«Купить сруб, построить дом за год, – прикидывал Арнольд Валерьянович. – Деньги на стройку имеются. Квартиру сдать. Жить на лоне природы, заниматься любимым делом. Можно даже развернуть бизнес – не только возиться со змеями, но и устроить «Депо лечебных пиявок». Что еще требует одинокая старость? О чем еще можно мечтать?!»

От таких мыслей настроение Арнольда Валерьяновича улучшилось. Лицо его вновь засияло, как на небе луна.

Когда вернулся Павел Крючков, Арнольд Валерьянович поднес ему порцию эксклюзивного снадобья.

– Хочу, чтобы вы попробовали, – сказал Арнольд Валерьянович.

– А что она лечит? – спросил невеселый Крючков.

– Это настойка повышает уровень серотонина в крови. Выпейте и взбодритесь.

Крючков взял стакан с желтой жидкостью и безропотно выпил.

Ночью Павлу привиделся сон, будто он стоит на остром носу исполинской гондолы; в руках у него бамбуковое весло, которым он безуспешно пытается править между огромных волн штормящего моря.

В начале двухтысячных столичные власти благоволили помочь бедноте, и неподалеку от станции Марк, в треугольнике между улицей Вагоноремонтной, железной дорогой и МКАД, образовалось местечко с названием «Ярмарка бывших в употреблении товаров».

Проект был до глупости прост – бульдозеры разровняли площадку и обнесли ее ограждением из гофрированных листов металла. В этот загон устремились малоимущие граждане, желающие выручить скромные средства, устроив свой секонд-хенд, где продавались издавшие виды вещицы по самым что ни на есть символическим ценам. Спозаранок сюда притаскивали или прикатывали на колесах тележек большущие сумки с выуженным из захлавленных балконов, пронафталиненных шкафов и утопших в пыли антресолей «товаром». Раз от раза желающих поторговать «старинной» приходило все больше. К ним присоединились кавказцы с лотками, полными дешевой контрафактной продукции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.